Альфред ТУЛЬЧИНСКИЙ

ВСЕ О ВИЛЛИ

“У НАС НА БРАЙТОНЕ ВЕСЕЛАЯ ПОГОДА“

У нас на Брайтоне веселая погода!
У нас на Брайтоне отличные дела!..
Потому что на Брайтоне не ждут
у моря погоды. Там ее делают!
И делают - на загляденье многим из тех,
кто до сих пор не понимает, что
Брайтон - это не просто район в
южной части Бруклина.
Брайтон - это явление Америке
выходцев из России!
Брайтон - вовсе не Маленькая Одесса.
Там живут и одесситы, и москвичи,
и киевляне, и тбилисцы. Там - свой,
маленький мир, ни на какой другой
не похожий.
Он никого не хочет повторять или
напоминать.
Он просто - Большой Брайтон,
о котором можно не только
говорить, но и петь!

Альфред ТУЛЬЧИНСКИЙ

ВСЕ О ВИЛЛИ

У НАС НА БРАЙТОНЕ ВЕСЕЛАЯ ПОГОДА

**Книга-альбом
о жизни и творчестве
Вилли Токарева**

**Издательство "Калейдоскоп",
Нью-Йорк, 1993**

Alfred TULCHINSKY

ALL ABOUT WILLY

В книге использованы фотографии автора, а также снимки из архива Вилли Токарева, Ирины Ола и некоторых советских репортеров

Редактор Лидия Переплетова

All rights reserved.
Copyright by "Kaleidoscope Publishing"

"The Kaleidoscope Publishing",
New York, 1993

Моя новая книга о Вилли Токареве. Две жизни, прожитые им - там, в Союзе, и здесь, в Нью-Йорке, были исключительно сложными. Как у многих из нас. И найти в них свое место было очень нелегко, особенно во второй, американской жизни. А Вилли нашел, хотя "находка" эта обошлась ему очень дорого: путь к успеху был полон таких лишений и мучений, какие вынес бы с достоинством далеко не каждый. А он вынес. И не просто вынес, а поднялся над обстоятельствами, над суетой и продолжает жить, ни в чем не изменяя ни себе, ни избранному пути. Здесь нет никакого секрета: Вилли "состоялся", потому что имеет такой легкий, чудесный характер, потому что умеет видеть и понимать, терпеть и прощать, потому что он начисто лишен зависти и злобности - черт души, очень свойственных многим из окружающих нас людей. Он всегда очень прост в общении с простыми, приятными людьми, но часто бывает закрыт, замкнут при общении с теми, кто ему неприятен.

Говорят, что настоящие артисты играют всегда - и на сцене, и в жизни. Вилли - настоящий артист только на сцене, где провел почти всю жизнь. А в жизни он начисто лишен наигрыша, искусственности, он живой и любознательный, готовый к новым встречам с людьми, природой, музыкой, городами во всех их современных проявлениях,

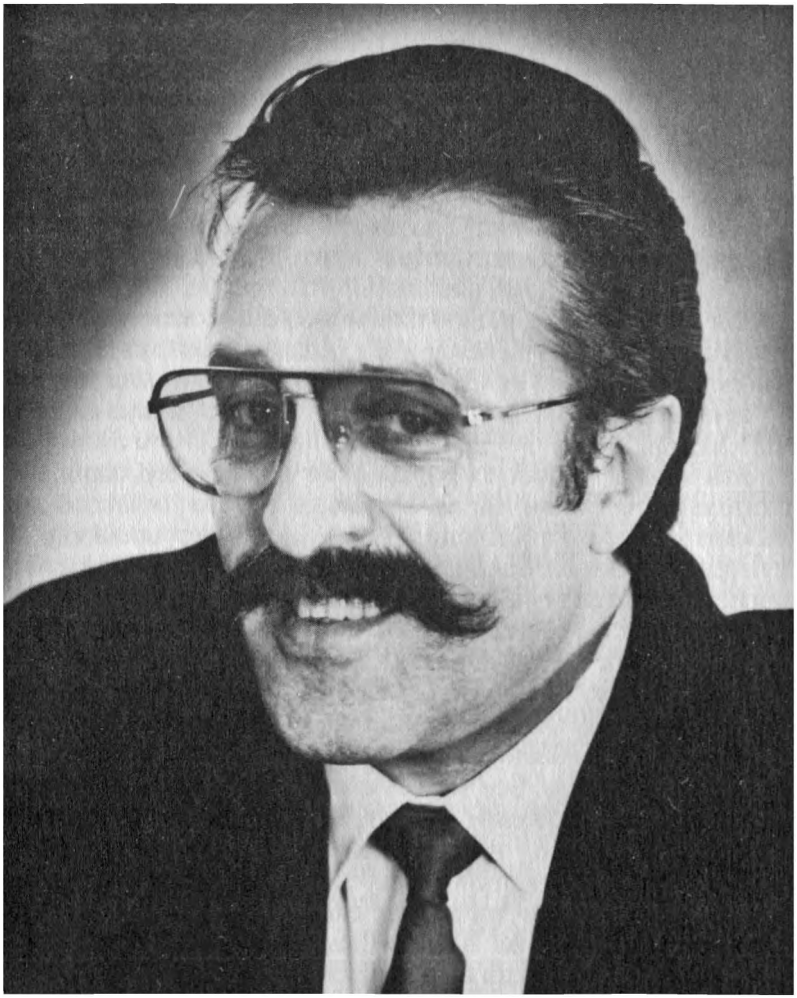
Вы открыли книгу-альбом "Все о Вилли". Действительно, здесь он весь - каким был, каким стал... Я мог бы написать его большую биографию, скромно украшенную снимками из его жизни. Но избрал иной путь: я решил воссоздать некое подобие его "домашнего альбома", а вы знаете - в каждом доме такой альбом - одна из святынь.

Человек придумал песню. Эта популярная строка из давнего шлягера меня устраивает только наполовину. А все потому, что эта книга – о человеке, у которого с песней необычные отношения: не только он придумывает песни, но и песни "придумывают" его самого... Он живет с ними, в них, с их героями, живет в реальном мире и одновременно в его зеркальном, песенном отражении.

Песни пишут очень многие. Даже у нас, в Нью-Йорке. Наверняка есть какие-то люди, которые пишут замечательные песни. Но большинство из них мы не знаем, в этом и кроется загадка. Авторы "домашних" песен, так и не добравшихся до своего слушателя, наверняка мечтали стать заметными, может быть – знаменитыми, они мечтали дать большую жизнь своим песенным детищам...Они хотели и хотят быть кому-то интересными, но ничего не выходит. И многие сдаются, так и не став "звездами". А тех, кто ими становится, – лишь единицы. Моя книга – об одной из наших звезд, Вилли Токареве.

Что такое звезда? Кто имеет право на это лестное звание? Все очень просто: если тебя соотечественники узнают на улицах в каждом городе Союза или Америки, если в каждом доме есть твои записи, если твои песни на слуху, если ты популярен у журналистов и общий вес написанных о тебе рецензий приближается к твоему собственному, значит ты – "ЗВЕЗДА". Какой величины? Это уже дело вкуса публики, ведь, в конце концов, именно она решает судьбу твоего УСПЕХА. Говорят, что известный человек – это тот, кого толпа знает и по имени, и в лицо. Говорят, что популярный человек – это тот, кто нравится очень многим. Популярен тот, кто вызывает приятные эмоции. Домыслы коллег о певцах не в счет – ведь каждый успех можно и просчитать, для этого есть обычная статистика.

У нас в Америке амбиции людей часто растут пропорционально материальному благополучию. Или – наоборот! – растут непомерно из-за несостоявшегося материального благополучия. Слово "богатый" здесь ничего не значит, ведь каждый понимает его по-своему... У нас невозможно сказать, кто из профессионалов /в любой области/ лучше других. Невозможно потому, что термин *"ЛУЧШЕ ВСЕХ"* в Америке непригоден – слишком много субъективных мнений. Зато у нас можно запросто сказать, кто из профессионалов успешнее других. Возьмем двух врачей. Кто



из них лучше? Никто не знает, потому что тот, кому один из них помог, считает врача "богом". Другому не помог, тот в оценке находит иные эмоциональные "краски", почернее. А вот кто из двух врачей успешнее, сказать очень легко: если к одному приходит больше пациентов, если он честно зарабатывает на своем бизнесе больше денег, он, конечно, успешнее. Вот и вся оценка!

То же можно сказать и о людях иных специальностей. О певцах, в том числе. Если к одному в ресторан, где он поет, приходит больше народу, если он продал больше кассет или пластинок, значит он, безусловно, успешнее. Дал больше концертов в других городах или странах – еще успешнее. Другие критерии уже не нужны! У нас все просто, но жестко и справедливо – здесь никого нельзя обмануть и ни за кого нельзя себя выдать. Певцы у нас – как проповедники, к ним идут за *душевной* пищей, за песней, за настроением. У каждого свой "приход" – ресторан и свои "прихожане". Верные, надежные, помнящие все успехи и неуспехи. Умеющие щедро платить за свое настроение и не помнящие зла. Вот почему уход певца из ресторана, который мы, русские американцы, часто используем как клуб, – печальное событие для его почитателей. Вилли никогда НЕ УХОДИЛ!

Эта книга – особого рода. Я могу, например, привести сказанные о Вилли слова выдающегося российского музыканта Анатолия Кролла: "В чем секрет необычайной популярности Вилли Токарева? Конечно, тут и талант, и обаяние, и острота музыкальной мысли, и удивительная наблюдательность. И все это воплощено в его песнях, этаких музыкальных мини-повестях... Личная сопричастность каждого из нас к его песням создает атмосферу музыкального праздника. И мне, его первому музыкальному руководителю /а это было 26 лет назад/, приятно видеть все тот же молодой задор, все то же неиссякаемое желание творить и доставлять людям радость". А могу поместить лишь одну фотографию, на которой изображены Токарев и Кролл, и вы сразу почувствуете теплоту их отношений, увидите многое из того, что сказано в полусотне слов. Поэтому я поместил в своей книге-альбоме больше ста фотографий, и каждая из них выразит, скажет вам о Вилли не меньше, чем сказали бы многие слова. Каждая фотография – остановленное мгновение его напряженной и очень счастливой жизни. У него, как и у каждого, свое понимание счастья, свое воплощение или недовоплощение его.

Мы знаем друг друга много лет, я наблюдал Вилю на самых разных этапах его жизни и настроения. Вот почему я на правах Товарища и его самого искреннего Доброжелателя могу сказать о нем: Вилли на самом деле счастлив тем, чего достиг и чем наполняет свою жизнь.

А жизнь его была довольно сложной. Детство, проведенное на Кубани, юность, — в Ленинграде. Музыкальная молодость, начавшаяся в музыкальном училище. Кстати, многие поражаются, узнав, что Виля начинал играть и был очень успешен на совэстраде как контрабасист. Его знала и любила публика в Ленинграде и Мурманске, где он "задерживался" дольше, чем в других городах. Он играл в составах с лучшими музыкантами и певцами. Отдавался музыке неистово, потому что личная жизнь не выходила такой, как мечтал...

И в Америку попал 19 лет назад уже сложившимся, очень требовательным к себе музыкантом. Что он знал об Америке? Ровным счетом ничего, кроме, конечно, имен и репертура великих джазменов. Пришлось начать вторую жизнь! Вернее — выживание! Потому что в первые годы в Америке он не мог жить, думая только о музыке. Чаще приходилось думать о куске хлеба. А чтобы его добыть, он прошел через адову работу таксистом, пробовал и другие профессии. Хочешь добиться чего-то в искусстве, добудь деньги на ином поприще! — таким был закон нашего выживания. И он работал одержимо, потому что занятия музыкой требовали денег. Он экономил даже на самом необходимом — нужно было оплачивать студию звукозаписи. Он не мог нанять хороших музыкантов и приходилось все делать самому — слава Богу, хватало таланта... Студию арендовал в ночное время — потому что дешевле. А днем, не разгибаясь, сидел за баранкой. Спал по два-три часа в день. Но если бы он не прошел через это, разве стала бы возможной самая первая из удачных пластинка "В шумном балагане"? Он сочинял песни за рулем, записывал отрывки строк, когда ожидал смены красного сигнала светофора на зеленый. Он сам был поражен, когда узнал, каким успехом стали пользоваться эта пластинка и кассета. Вот тогда и начался "бум" Токарева. Шел 1982 год. Можно было чуть сбавить темп. Можно было начать отдавать долги.

"Тогда я, кажется, понял, что нужно русским в Америке, — говорил мне как-то Виля. — Большинству из них /не всем!/ так трудно жилось, что они находили истинное отдохновение в юморе, иронии". И правда — лучшим лекарством в те годы, да и сейчас, для нормального человека были шутки над самим собой. Смеяться над своими труд-

Нью-Йорк. 1989 г.

ностями может только сильный! И только сильный может выжить в Америке! Я имею в виду не прозябание, а именно ВЫЖИВАНИЕ – достойное, пусть и трудное...

У читателя может возникнуть справедливый вопрос: неужели Вилли, приехав в США профессиональным музыкантом, ни разу не попробовал "пробиться" в местные профессиональные круги? Отвечу: конечно, пытался и даже весьма успешно. Его приглашали играть в разные составы, он мог заработать с ними какие-то деньги. Но кроме чисто музыкальных амбиций была еще и Душа.

Однажды музыкальный редактор одного крупного песенного издательства сказал Вилли такие слова: "Мне нравятся твои песни, ты – хороший музыкант, но...". И тут же, вместо паузы, завел его в соседнюю комнату, где от пола до потолка лежали горы посылок. "Видишь – это кассеты, присланные нам на прослушивание твоими коллегами. Поверь, многое из пылящегося здесь материала – отличные вещи. Но нет сил их "раскапывать", и все это так и останется здесь, на нашем "кладбище несбывшихся надежд". Поверь моему опыту, ты можешь и должен найти слушателя среди своих. У тебя русская душа, и у твоей музыки тоже"...

Так и случилось!

Песня в Русской Америке – особая "пища". Ею дорожат, от нее никогда не случается Ожирение Души, она вечна и полезна сердцу, как бальзам. Петь хорошо – прекрасно, но это полдела. Петь свое, пережитое, передуманное, отдавать людям чудом сохраненную в Зарубежье задушевность – удача для единиц из десятков пытающихся встать на шаткий путь зарабатывания на Западе русской песней. Вот почему у нас почти нет своих бардов, а если и есть, то малоизвестные. Из известных, даже знаменитых, – один Вилли Токарев.

Его знают в России больше, чем дома. Там он – триумфатор, воплощение незнакомой, манящей, красочной, музыкальной, непонятной Америки. Здесь – это скромный труженик микрофона, супер-профессиональный музыкант и своеобразный поэт, сложная фигура, человек, собравший в себе так много разных качеств, что их хватило бы на целый ансамбль.

Много раз я слышал, как люди говорили: "Ну разве у Токарева поэзия? Это вообще не стихи!". Его песни отличаются от произведений "глубоких" поэтов точно так, как отличается летний "слепой" дождик от затяжной грозы, как золотистый июньский рассвет от полярной ночи, потому что в лирических песнях Токарева – невероятная легкость бытия, от них нельзя устать, как устаешь от философии больших поэтов. В песнях-сказах Вилли нет проблем, тогда как поэты различают друг друга по степени нагружения мозга читателя проблемами, почти всегда – неразрешимыми /Ах, как умно я написал!/... У Вилли другой жанр, он внимательно *смотрит* на жизнь, а потом перекладывает на свои песни то, что сумел. И потом – почему вообще он должен с кем-то соревноваться в формальной поэтичности? Споры здесь неуместны, а если кому-то очень хочется поспорить об успехе у людей /не для них ли пишут и поют песни?!/, пусть посчитает, сколько вилиных кассет продано и слушают в домах по обе стороны океана. Каждый пишущий в стихотворной форме имеет свое предназначение. Популярность Токарева могла и не случиться. О славе мечтают многие, а он не мечтал, просто делал СВОЕ ИСКУССТВО, которое позже оказалось очень впору массе людей и у нас, в США, и в России, на Украине, везде, где сегодня его имя так широко известно.

Есть на свете вокалисты лучше Вилли? Конечно. Есть поэты, пишущие лучше, чем он? Сколько угодно. Есть ли музыканты талантливее, чем он? Безусловно. Есть ли исполнители с редким, всегда узнаваемым тембром? Да, есть. А есть ли русский человек в Америке, кто бы удачнее, чем Вилли, сочетал в себе все перечисленные мною качества? Нет такого! И не ищите!

Токарев узнаваем с первой секунды. Токарев душевен и прост. Токарев – из тех немногих бардов, абсолютно точно знающих, о чем они поют. Красиво поют! Но будь он и самым распрекрасным певцом, в нашей непростой атмосфере всегда найдется тот, кто скажет: "Ничего особенного! Есть певцы и получше!". Наверное, есть. Трудно спорить. Зато есть еще одна стезя в его творчестве, где Токарев не только недосягаем для всех остальных, но и уникален в своем роде. Я рад первым заявить о том, в чем уверен: он – историческая личность!"Почему? – Удивится кто-то. – Подумаешь, ресторанный певец с Брайтона!" А потому я считаю его исторической личностью, что он единственный, кто тяжело потрудился, чтобы оставить потомкам нашим переложенную на песенный язык историю эмиграции в Америке последних пятнадцати лет. Газеты и журналы наших дней истлеют, уйдут из жизни далеко не вечные современники, а его песни – я уверен! – будут звучать и после нас, много-много лет спустя. И по ним, а не по высосанным из пальца росказням наших беллетристов, смогут понять "советские" люди, каково было нам открывать и осваивать *СВОЮ* Америку. За сотнями простых строк из песен Токарева стоит жизнь целого поколения эмигрантов.

Каково было нам начинать свой путь по чужой земле? Хотите знать – слушайте песни Вилли. Каково было ему начинать свой собственный путь к известности? Слушайте его песни. Слушайте и поймете, что писать-то он их начал вовсе не потому, что рвался к звездной славе. Он делал то, что велело ему сердце, делал то, что, может быть, и могли, но не сделали другие. Думаете, он шел с первых песен к будущему Русскому Триумфу? Ничуть не бывало! Он и добился всего только потому, что никогда не тратил душевных сил на суету и зависть. Одни ищут славу и не находят. Других слава ищет сама. Это тех, кто ее достоин. Вилю она нашла. Не сразу, но нашла.

Есть очень древняя мудрость: молодой человек может петь об ушедшей любви, зато скряга никогда не споет о пропавших деньгах. Настоящая песня не может родиться без искренних, чистых побуждений. Бывают и исключения: уверенно говорят, что Михаил Светлов написал "Гренаду" на спор за 45 минут. Я верю в это исключение из правила. Написать настоящую песню ради наживы просто невозможно. Ради наживы песню можно украсть и "перекрасить". Но людей не обманешь, зритель и слушатель, особенно тот, кто любит песню, вряд ли примет ее, вряд ли пустит в сердце. Создать хорошую песню /даже самую простую на первый взгляд!/ так же сложно, как пойти на подвиг. Конечно, и у Вилли бывали моменты, когда песни рождались быстро, под влиянием каких-то мощных душевных всплесков. Но почти всегда рождение песни сродни рождению ребенка. Так же, как мать, беременная ребенком, он вынашивает своих песенных детей. И рожает песни в муках, с любовью к людям, с уважением к своему жанру, к своему имени.

Я долго думал, как назвать жанр, в котором он выступает, в котором пишет свои песни. Думаю, что самым близким по смыслу может быть название ГОРОДСКОЙ РОМАНС. Романс – потому что Вилли лиричен. Городской – потому что он – Сын Города, легко растворявшийся в каждом городе, где приходилось жить. Нью-Йорк – его последняя пристань. Он и здесь свой, как когда-то в Ленинграде или в Мурманске. Не будь он своим здесь, в Нью-Йорке, он ни за что не смог бы написать свои песни, которые – не для снобов, а – для ЛЮДЕЙ.

Хлеб и соль Украины!
Встреча в Харькове в 1990 г.

Ах, как мало людей искусства остаются Людьми Искусства! Ну почему им, даже самым талантливым, иногда не хватает разума, чтобы контролировать свои амбиции? Почему они заболевают — одной или многими — еще до того,

как выбиваются в знаменитости или пробиваются к успеху или просто славе? Откуда в них такая дикая зависть или ненависть к коллегам? Может, потому и "свихиваются", что идут к успеху медленнее, чем им хотелось бы. Манией сценического величия заболевают, слава Богу, не все, кому-то хватает ума сдержаться, не тратить силы и время на пустую, суетную погоню за чужой славой. А о своей когда думать? Ну почему они так друг друга не любят?

Как-то мы об этом заговорили с Вилей. Я начал с рассказа об одной публикации в советской прессе /ноябрь 1992/, с интервью Александра Розенбаума. Я опустил те его части, где он говорил о том, что считает себя "советским Майклом Джексоном", о "неприятных" ему людях – от Шеварднадзе до Кравчука. Почему их нужно ненавидеть? Да и что ему до политиков? – вроде сам не собирается баллотироваться в мэры Ленинграда...

Но я не мог не показать Виле заключительную часть этого интервью, с вопросом о том, "лучше ли сочиняет песни Токарев?".

Вот ответ Розенбаума: "Это хороший, талантливый кабацкий музыкант. С одной стороны, я могу понять, когда Токареву предоставляют для выступления Кремлевский Дворец Съездов, с другой – я считаю это принижением роли Дворца Съездов и центральных престижных залов. Будь я министром культуры, я бы организовал гастроли за сумасшедшие деньги где-нибудь в московском ресторане "Арбат" и посадил бы туда Токарева на полгода. Пусть чешет. Люди приезжали бы смотреть на Вилю, а он им: "Оп-ля, чешуя..." В свое время я отказался от "Музыкального ринга" с Токаревым. Он будет петь про небоскребы, а я ему про ладожское озеро, что ли? На чем с ним соревноваться? *Можно соревноваться с Владимиром Семеновичем... А еще с кем?* "

Я с большим уважением отношусь к Розенбауму, потому что он – Мастер, потому что – Трудяга. Но..

В 1990 году он был моим гостем в Нью-Йорке. Я не только писал о нем в своем журнале, не только много общался в самых разных ситуациях, но даже проводил с ним живое интервью на сцене, во время его сольного концерта в одной бруклинской школе. Розенбаум мне виделся способным человеком, но показалось, что он пришел в песенный мир с большим опозданием: он желает быть Абсолютно Первым, хотя это для него недостижимо. Не умея остановиться и

оглянуться, не желая никого слушать, он губит сам себя постоянными, раздражительными мечтами о превосходстве. Не понимающий своей ВТОРИЧНОСТИ /от слова "вторить", а не от слова "второй"/ в песенной поэзии, уповающий только на успех и не видящий своих слабых сторон, Розенбаум на самом деле извелся от тоски по славе Высоцкого. Но ведь Высоцкий – гений, а не просто некто, способный писать и петь лучше Розенбаума. Он – вершина, и он недосягаем не только для Розенбаума, он опередил всех на сто исторических лет. Прочитав последний опус Розенбаума, я подумал, что Токарев никогда не согласился бы ни на какой "ринг". Зачем ему? И в ресторан "Арбат" Розенбаум его напрасно сажает. У Вили есть своя работа. Токарева с одинаковым удовольствием слушают в многотысячных дворцах и стадионах в России, и в брайтонской "Одессе" уже много-много лет. А посмотрел бы я, сколько вечеров приходили бы послушать Розенбаума в нью-йоркском "кабаке"! Токарев может кому-то нравиться или не нравиться, но в тяжелом-претяжелом мире музыкантов нет более скромного, чем он. Нет никого, кому бы он пожелал зла или неудачи. Нет никого, кому бы он позавидовал. Во всяком случае, за много лет нашей дружбы я никогда не слышал от него ни одного недоброжелательного слова. Если бы он был даже фанатично верующим, о нем сказали бы, что он напрочь лишен ГОРДЫНИ. Нет на свете большего комплимента для человека искусства! И все равно, мне было очень интересно знать, как Вилли отреагирует на ремарки Розенбаума. Ответ его на мой вопрос был очень короток: "Понимаешь, я нисколько на Сашу не обижаюсь за эти слова. Просто ему, наверное, сейчас очень тяжело..."

А что касается наших, нью-йоркских, ресторанов, то могу засвидетельствовать: там я много-много раз слышал самых замечательных советских исполнителей: Иосифа Кобзона и Муслима Магомаева, Нани Брегвадзе и Валерия Леонтьева, Юрия Антонова и Эдиту Пьеху – никто из них не считал для себя зазорным выступать там перед публикой. Просто у нас так принято. В конце концов, не важно, где ты выступаешь, важнее то, как принимает тебя публика.

Встреча для вас

Вилли ТОКАРЕВ

«ВОТ Я СТАЛ БОГАТЫЙ СЭР...»

Вилли ТОКАРЕВ:

«Я ЧУВСТВУЮ В ТУНЕ»

Популярность Вилли Токарева в нашей стране огромна. А успех его концертов превзошел все ожидания. Но сегодня его поклонников интересует не только певец Токарев, чьи песни они слушают и сами на-. Их интересует личность исполнителя.

многие свободные минуты, которые выпа- концертами, репетициями, съемками, ли

Вилли хранит сотни вырезок из газет и журналов разных городов Союза и СНГ. И в каждой — отражение частицы оставленной им там души

Жизнь каждого из нас имеет какие-то важные, запоминающиеся моменты, периоды, даты, события... Но сколько бы мы с Вилей ни говорили о жизни, о чем бы ни шла речь, мы оба, не сговариваясь, всегда обходили цифры возраста... Эти цифры важны на могильной плите, а в реальной жизни все расставлено не просто по годам, а по настроению, состоянию, чувству взлета или, наоборот, соскальзывания...

Как-то мы с Вилей засиделись заполночь и шаг за шагом "разобрали" всю его жизнь... Кстати, я рекомендую каждому хоть изредка возвращаться в детство и молодость, пересматривать свои семейные фотографии, пытаться понять корни своих привязанностей, своей карьеры, осмыслить все, что с нами происходит, всех, кто с нами хоть как-то соприкасался. У Вилли Токарева громадный и очень живой "семейный альбом" – точно такой же многогранный, как его талант, такой же яркий, как его характер. Судите сами!

В пять лет Виля, мальчик с хутора Чернышов, что в Краснодарском крае, сам научился читать.

В шесть лет он создал свой первый дворовый хор.

В семь – однажды был изгнан с урока за то, что сделал замечание учительнице Нине Ивановне, написавшей на доске белым по черному слово "*парашут*". С тех пор он никогда больше не учил учителей, потому что бесполезно и себе дороже...

В одиннадцать лет написал свое первое стихотворение – переложил на стихи случай из жизни: деньги, выданные мамой на хлеб, он потратил на билет в кино. Получил по первое число, зато приобщился к искусству – посмотрел фильм. А тут еще стихотворение напечатала школьная газета. Итак, в одиннадцать лет Виля, во-первых, узнал вкус славы, во-вторых, понял, что писать надо только о том, что пережил.

В двенадцать лет сам научился играть на всех попадавшихся под руку струнных инструментах. Так что основа успеха его выступления с балалайкой в 1979 году в Карнеги Холл была тоже заложена в раннем детстве.

В четырнадцать лет начал сочинять мелодии. А самым первым его музыкальным университетом стал старенький приемник "Рекорд" и пластинки.

В пятнадцать лет семья Ивана Васильевича и Марии Николаевны Токаревых переехала в солнечный Дагестан, в

СЧАСТЬЕ — ПЕТЬ ДЛЯ РОССИИ

Гастролі

Віллі Токарєв:

МОЯ ПІСНЯ ПЕРЕТНУЛА ОКЕАН

преса найвимогливіша і найдобросовісніша в світі!

— Віллі, а чи не виникало у вас бажання знову стати громадянином СРСР!

— Звичайно, я хотів би мати радянське громадянство і зберегти американське. Коли мене в СРСР, Народилася на Кубані, в робітничій сім'ї, я ще живуть моя мама, сестри, незабаром стане вчителі на мій. Я красивий моє ранчо. Совєтські. Я дозволяю проти подвоїв людей, мені на пенсії, люди дізнаються на народних. І ні.

Моє російське місце проживання — Нью-Йорк. Сьогодні в Радянському Союзі я ніколи міцно не полюбив цей курс. Сьогодні ми можемо прибрати цитою і будь-який хвилині поїхати в СРСР. Немає і цензури — що співати, вирішив сам сейчас. Це — дерев справжньої демократії.

— Чи сподівались ви на таку популярність, коли вперше приїхали в СРСР!

— В дверту кажучи, ні. В Америці у мене вийшло. Я писав. Але те, що моя пісня «перетнула» океан, для мене було справжнім відкриттям. Насправді, при мене хвилювання, що я, артист, артист, за оцінкою сидівся, лише в мужнюю мої хвилині, при Ленінграді сьогодні в консерваторії, а за по-кланяннями і, головне, за вигнанням слухачів.

— А ви не ставитесь до слави!

— Слава мене не лякає. Я до цієї байдужий, втім, як і до грошей. Найдорожче, коли тебе розуміють, вірять у тебе. Отже! Я вийшов на ре бажання — не підвести, утримати марку.

Перед виступом завжди [illegible]

ТЕЛЕБАЧЕ

П'ЯТНИЦЯ, 27

І ПРОГРАМ

6.30 — «120 [illegible] Хонда». 10 [illegible] 11.45 — «Ч[illegible] 13.45 — Запрош[illegible] 15.30 — «Пісня [illegible] 17.10 — Ніколай [illegible] 18.10 — Ніколай [illegible] 21.00 — Кольо[illegible] 21.15 — Теле[illegible] 1 і 2 серії [illegible] Карм[illegible] телевистава.

ІІ ПРОГ

8.00 — Гімна[illegible] «Мальо[illegible] 8.35 — Се[illegible] 9.05 — [illegible] 12.05 — Теле[illegible] 13.15 — Рит[illegible] — А. Дворж[illegible] 18.30 — [illegible] 20.00 — [illegible] 20.15 — Інф[illegible] 21.00 — [illegible]

П[illegible]

Город Кастийск. В семейном кругу. Справа – папа. Вилли – в центре.

Матрос Вилли Токарев /справа/ во время первого плавания на танкере

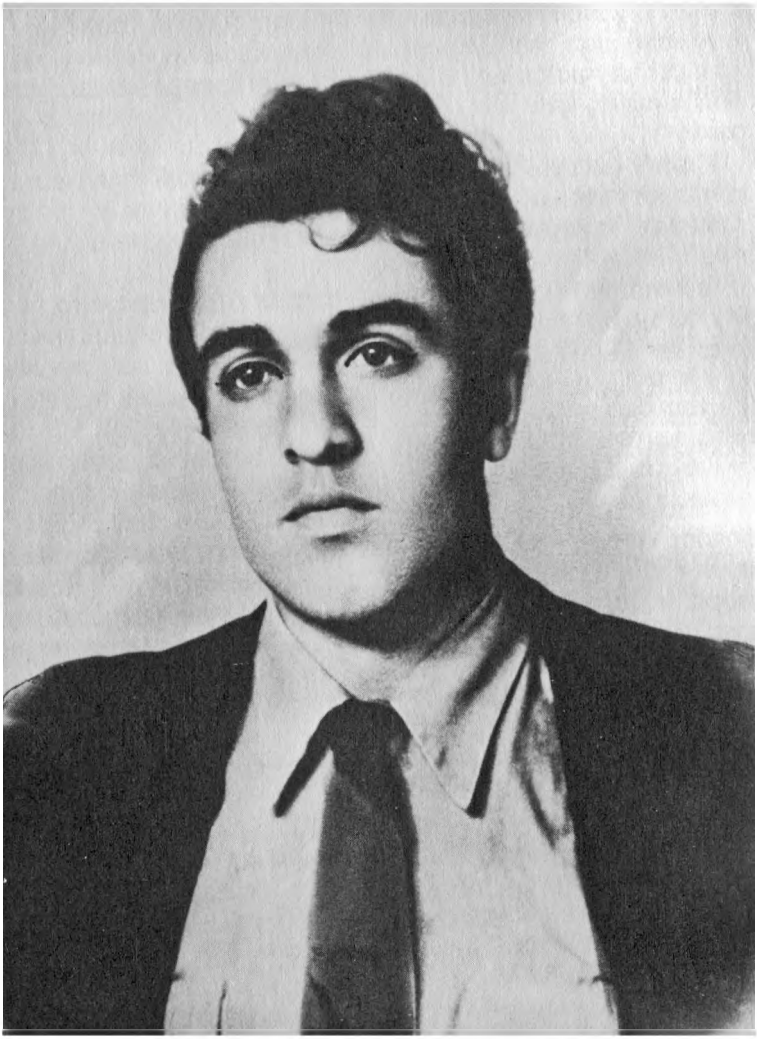
городок Каспийск. Тогда Виля и понял, что способен адаптироваться к любым условиям: через полгода жизни на море он запросто проплывал по пять километров, чем сильно смущал впередсмотрящих катеров береговой обороны. Он научился не бояться "трехэтажных" волн, еще не подозревая, что этим самым готовит себя к жизни в Америке.

В шестнадцать лет Виля, юный кавказский красавец, решил поступать в Батумское мореходное училище, но на экзаменах "прошел" только по усам и оценкам, подвело зрение.

В семнадцать лет он сбежал из-под родительского присмотра и все-таки был принят на курсы котельных машинистов. Он учился так старательно, что я и сегодня доверил бы ему не только любую котельную, но даже атомную станцию.

В восемнадцать лет Виля стал заправским моряком – вышел в море на танкере в роли "чернорабочего" матроса, но и в этом трудном деле был артистом. Он совершенно не боялся качки, чем вызывал зависть всего плавсостава, не пропускал вахт. Виля был лучшим кочегаром Черного моря, и даже готов был оспорить песню кумира нашей юности Утесова, где были такие слова: "Товарищ, я вахту не в силах стоять"– сказал кочегар кочегару"... Ему очень шли клеши и роба, он был лихим мастером "на все морские руки", но однажды его блестящую карьеру прервал папа, нашедший его где-то на суше и быстро отлучивший от соленых просторов.

Тут его и подстерегла армия. Бывший знатный моряк надел форму курсанта войск связи. Говорят, что армия – для всех "не подарок". Думаю, это не так: талантливому человеку все равно где быть... Параллельно службе все в части узнали, что мама когда-то научила Вилю прекрасно готовить. И как только в Чабановке, где находилась часть, ожидали приезда высокого командования из Одесского военного округа, на "камбуз" призывали Токарева. И готовил он так, что генералы начали приезжать чаще, чем хотелось бы местному командованию. Зато как выросла слава Вилли! И легко себе представить, что там случилось, когда однажды зимой в критическом положении оказалась котельная. Кто мог спасти солдат и офицеров от вымерзания? Конечно, Виля! Ведь у него в документах значилось и



Вилли 18 лет. Таким помнят его те, кто служил на танкере в Батуми

недавнее "котельное" образование. Так, главнокомандующим котельной Вилли Токарев, связист-музыкант-повар и окончил военную службу.

А дальше был Ленинград. Настоящий талант не только себя где-то проявит, но никогда не останется в одиночестве и обязательно встретит другого таланта! Это неизбежно. Однажды холодным вечером на покрытой мокрым снегом улице Виля буквально столкнулся с пожилым человеком, который... пытался нести контрабас. Без лишних слов Вилли предложил свою помощь. Приветливый музыкант пригласил в дом приятного молодого человека, и оказалось, что сам он служит музыке в Мариинском театре, да и жена – преподаватель музыки... Там же, после чая, они проверили музыкальные способности гостя, и пожилой маэстро предложил учить Вилю игре на контрабасе. Ученик оказался способнее, чем думал учитель. Уже через пару недель Виля блестяще сыграл "Элегию" Рубинштейна – и пусть бросит в меня камень человек, кто скажет, что это легкая вещь!

А вскоре Виля поступил /при конкурсе пять человек на одну стипендию!/ в Музыкальное училище при Консерватории.

В это время произошли и другие события. Природная любознательность никогда не покидала его, и Виля женился. А там и сын родился. Играть на контрабасе, разведывать подступы к музыкальному Олимпу и одновременно жить семейной жизнью оказалось нелегко.

Четыре года учебы в училище были невероятно насыщенными и бурными. Зато, наконец, пришло долгожданное признание. Можете себе представить лицо скромного Вилли, когда он получил от *Самого* Анатолия Кролла, бывшего знаменитым уже тогда, в конце шестидесятых, приглашение в его оркестр. Вот где Токарев прошел настоящую школу инструменталистики и научился одному из сложнейших музыкальных искусств – аранжировке.

Попав в мир эстрады, Вилли, наконец, несколько успокоился, теперь он знал: это и есть Его Мир, Его Предназначение. Любопытство приводило его в разные оркестры, но при этом он никогда не уходил, как другие, от какого -то руководителя со скандалом. Трения были не для него, ему оставалась только музыка. Как автор, я поступил бы нечестно перед вами, если бы не рассказал о том, что жизнь Вилли Токарева на эстраде была исключительно много-

гранной. Играя в оркестре, невозможно было оставаться в изоляции от миллиона всевозможных историй, комедий и драм, в которых постоянно оказывались его коллеги. Жизнь на эстрадных "колесах", гастроли, встречи с огромным количеством самых разных людей, собственно, и были его главной жизненной школой.

Если бы его контрабас мог порассказать мне истории Вилли, то нужна была бы отдельная книга. Очень смешная и одновременно грустная, потому что печаль никогда не ходит отдельно от радости... Если есть на свете человек, который готов помочь любому человеку в трудную минуту, то это Вилли. Помогал он и с помощью того же контрабаса. Например, отдавал его в "аренду" музыкантам, выступавшим в трудные годы где-нибудь на заводах и фабриках. Пока рабочие медленно отходили от счастья общения с музыкой, в чехле вилиного контрабаса выносили то сахар, то сосиски. Однажды человека с чехлом даже задержали на проходной мясокомбината: до этого момента никто в истории мировой музыки не видел, чтобы от контрабаса шел пар /сосиски-то были свежайшие, только из цеха!/. А попробуйте представить себе выражение лица преподавателя училища, когда он потребовал у студента Токарева объяснения по поводу ужасного запаха, исходившего от инструмента. Пришлось вмешиваться мастеру, старейшему ленинградскому эксперту по смычковым инструментам. Вскрытие показало, что во чреве контрабаса завалялась сосиска...

Да мало ли что бывало! У Токарева иногда даже одалживали футляр от контрабаса, чтобы... пронести девушек в гостиницу. Крепкий был футляр !

Шли годы. Виля играл в очень престижных оркестрах. Сначала его позвал к себе феноменальный мастер, пианист Борис Рычков. С его ансамблем пела Гюли Чохели. Позже он был приглашен в ансамбль "Дружба" Александра Броневицкого и Эдиты Пьехи.

Позже был симфо-джаз под управлением Жана Татляна. Здесь Виля уже самостоятельно аранжировал многие вещи, а делать это при дирижере Григории Клеймице было непросто: слишком высоки были тогда требования – в начале семидесятых советская эстрада переживала свой самый высокий подъем!

Музыкальная юность! Концерт в Ялте. 1965 г.

Москва. Концерт Гюли Чохели в 1968 году. Вилли – слева с контрабасом

Ленинград. Во время учебы в училище при Консерватории. 1969 г.

1970 год. Вилли во время работы в оркестре Ж. Татляна

Мурманск, 1972 год.

Неуемный Токарев уже вовсю писал песни. Чаще – музыку, реже – слова. Реже потому, что тогда буйствовал Главлит, бдительная цензура была невероятно строгой. Виля жил в мире музыки и никогда не думал об отъезде. Когда до него доходили редкие слухи о ком-то из уезжавших, он воспринимал их как древнегреческие мифы. Я его хорошо понимаю: все мы были до мозга кости советскими, процесс перелома сознания если и шел, то очень медленно. Но жизнь иногда ускоряла этот процесс. Однажды на Центральном телевидении в день 7 ноября была исполнена песня Токарева "Кто виноват?". Лирическая. Пел ее чудесный певец Анатолий Королев. Через пять минут был поднят громкий скандал, редактора Левина, "пропустившего" в торжественный день "слишком лирическую" песню, чуть не уволили. Вот тогда и случился первый толчок в вилином сознании: а правда, кто виноват в том, что происходит?

Но жизнь шла своим чередом. Вилю пригласили в оркестр Ленинградского Радио и Телевиления, которым руководил Давид Голощекин. Казалось бы, надо радоваться растущему признанию. Но тут эстрадная музыка начала получать удар за ударом от баранов, власть предержащих, но в музыке ничего не понимающих. Например, из Москвы пришел приказ, запрещающий "больше трех синкоп при исполнении музыкального произведения для публики". Это был венец маразма, и Вилли решил начать самостоятельную жизнь. Тем более, что к тому времени накопилась масса собственных песен – многие из них пели и переписывали на редкие в ту пору магнитофоны любители музыки. Все попытки дать этим произведениям официальный ход не имели успеха. Ни юмор, ни лирику в его песнях музыкальные власти категорически не принимали! А тут как раз пришло приглашение из Мурманска – там нашлись люди, оценившие именно песенный талант Токарева. Заказали цикл песен о городе и Севере. Кстати, спросите сегодня мурманчан, и они скажут, что до сих пор с удовольствием поют "Мурманчаночку", первое исполнение которой сразу сделало его местной знаменитостью, а если бы было звание Герой Кольского полуострова, то Виля его обязательно получил бы в 1973 году.

Помните прекрасную песню, где есть такие слова: "Тридцать лет – это возраст вершины, тридцать лет – это возраст свершений"?.. Вот в этом возрасте Вилли и принял главное решение – уехать.

Один из ранних "образов" артиста

В конце лета 1974 года он оказался в Нью-Йорке.
Недавно мы сидели дома у Вили, пили чай с "изобретенным" им пирогом, и я предложил: "Давай составим твою условную американскую трудовую книжку". Виля расхохотался, и мы начали записывать.
"Пиши сначала большими буквами общее место работы в первые годы: ГДЕ ПОПАЛО". Я записал. И в ту же минуту мы оба сразу стали серьезнее: ведь за этими словами кроются драмы судеб десятков тысяч нынешних русских американцев, которые, чтобы выжить, должны были пройти настоящий ад. Не просто ад физических или материальных трудностей, но нечто гораздо более сложное – ад ломки души, характера, привычек, профессиональных навыков, а главное – старых амбиций.
Что только ни делал Вилли в начале своей нью-йоркской жизни: мыл окна , убирал квартиры, перебирал библиотеку у какого-то миллионера, убирал в пекарне на Брайтоне, получая только свежий хлеб и немного денег. Одно время он был помощником медсестры, служил курьером на Уолл-Стрит, откуда был изгнан за незнание английского языка. Когда хозяин после "экзамена" бесцеремонно указал ему на дверь, Вилли был так потрясен, что, не видя ничего перед собой, прошел пешком – снизу вверх – весь Манхэттен от Уолл-Стрит до 180-й улицы, а это примерно километров двадцать. Вышел утром, добрел до дома вечером. Это был день двух величайших уроков: во-первых, Виля раз и навсегда понял, что в его жизни больше нет места для потрясений, что ко всему нужно относиться философски. Во-вторых, Виля понял, что без хорошего языка в этой стране нечего делать...
Язык и истинную жизнь Нью-Йорка он начал постигать в такси. Тогда еще не было русских ресторанов, играть для своих было негде. Он каторжно работал и писал, писал, писал песни. Он познавал Америку через общение. Он не "обиделся" на нее и после четырех грабежей в такси, когда под дулом пистолета приходилось расставаться с тяжело заработанными долларами. Такси никогда не было для Вилли "блюзом", как в известном фильме, такси было для него "тяжелым роком", еще одним, очень важным американским "университетом".
А потом, в 1982 году, он начал играть в одном из самых первых русских ресторанов Брайтона – "Садко". Еще че-

рез два года перешел в ресторан "Одесса". Позже, почти два года он отыграл в "Приморском". И снова вернулся в "Одессу". Мало сыщется у нас в Нью-Йорке русских музыкантов, которые были бы так стабильны, так привязаны к одному месту работы. Но Виля играет и поет в "Одессе" вот уже почти восемь лет. Играет с великолепным музыкальным партнером, Ириной Ола, которую сегодня знают все те, кто слышал или перед кем выступал этот феноменально "сыгранный" дуэт.

В 1979 году появилась его самая первая кассета и пластинка "А жизнь всегда прекрасна". Не могу сказать, что она прошла с большим успехом. Его еще надо было ждать. Два года.

И вот, в 1981 году он выпустил вторую кассету "В шумном балагане", которая стала его пропуском в мир популярности. Эта кассета сразу разошлась по Америке, а, главное, "просочилась" в Советский Союз. Обратите внимание: вроде бы жанр песен на этой кассете тяготел к блатному, но на самом деле эти песни, как выстрел, "попали в десятку". Автор придал жанру совершенно новый оттенок – оказывается, и о самых темных сторонах жизни можно петь интеллигентно, мягко, без грубостей... Только те, кто пожил в Америке и прошел свой крестный путь, могут понять и почувствовать в этих песнях сложную житейскую символику.

Я пишу эти строки 25 апреля 1993 года , когда на счету Вилли уже двадцать кассет: такого рекордного количества нет ни у одного нашего /русско-американского/ музыканта или певца. Двадцать кассет – это песни десятка разных жанров, разной манеры, разного стиля и духа. Я всегда поражался смелости, с которой Вилли берется за любую тему – социальную или лирическую, гражданскую или "жанровую". А потом понял, что это вовсе не обычная смелость, это – свойство высокого профессионализма, помноженного на колоссальный жизненный опыт и доскональное знание предмета. Я уже говорил, что по его песням в будущем смогут узнавать о жизни, о выживании на Западе людей с советской ментальностью больше, чем из книг наших беллетристов...

Наступил год 1989-й. Кассеты Вилли вовсю помогали его славе на Родине, а он продолжал неистово работать, вовсе не думая об этом. Тогда он не мог даже отдаленно предста-

вить себе успех, какой ждет его в СССР. Да и "побывать" в Союзе он сумел еще до поездки в Москву. Случилось так, что Вилю пригласили на свой вечер советские циркачи. Вот где пришло озарение их искренностью, их признанием того, что он делал... Стоя на сцене рядом с русскими мастерами арены, Виля понимал, что такие же чувства он наверняка должен испытать там, на далекой Родине. Решение отправиться туда на гастроли созрело. Большую роль в организации и подготовке первых гастролей – "возвращения" Вилли Токарева, сыграл известный антрепренер Виктор Шульман. Через несколько месяцев Вилли уже сходил по трапу самолета в Шереметьево-2. Он не знал, что Би-Би-Си за неделю до этого объявило о приезде Токарева в СССР.

Человек может понять свою значимость по тому, как его встречают. Увидев перед собой сотни людей знакомых и незнакомых, камеры телевидения и открытые улыбки, Вилли всей своей душой понял, что СОСТОЯЛСЯ как музыкант и как Человек.

"Понимаешь, – как-то сказал он мне, – меня вовсе не волнует слава сама по себе. Я терпеть не могу тех, даже очень талантливых, людей, кто заболевает звездной болезнью, – при этом недуге человек неуправляем, он – инвалид. Слава Богу, гордыня меня не коснулась"...

Второй раз он приезжал на гастроли в СССР в 1990 году. Эта поездка оставила ярчайший след в его жизни: 4 февраля утром он венчался в московском соборе Святых Петра и Павла со Светланой, а вечером того же дня они сыграли грандиозную свадьбу в банкетном зале отеля "Будапешт". 300 гостей! В том числе самые известные деятели культуры... А 12 сентября того же года родился сын Алекс.

Третий раз Вилли гастролировал в России в 1991 году. И снова – тот же грандиозный успех в десятках городов!

Четвертая серия выступлений началась в мае 1993 года.

Жизнь и судьба Вилли Токарева во многом напоминает путь, пройденный десятками талантливых людей. Часто это путь через хвалу и хулу . Мне приходилось слышать о нем самые разные мнения – от громких дифирамбов до полного неприятия. Пусть Бог будет судьей каждому, кто хоть что-то о нем говорит. Как сказал когда-то великий Данте: "Следуйте своей дорогой, и пусть люди говорят о вас все,

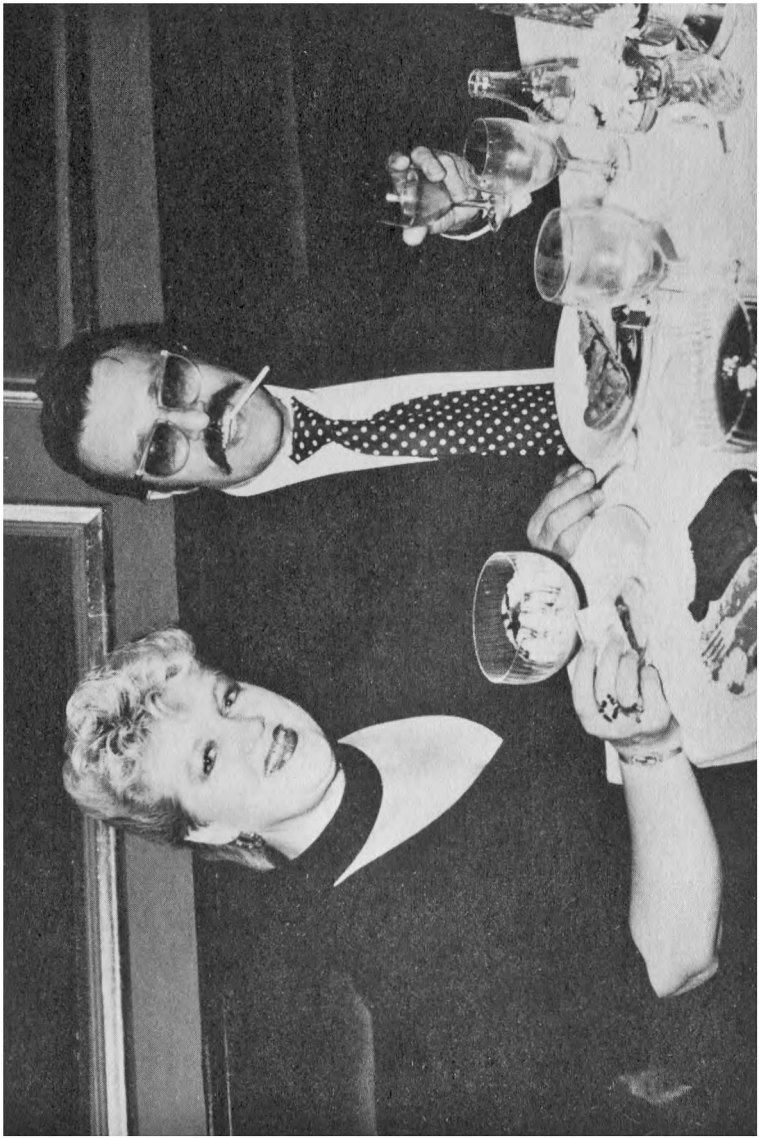
что им угодно". Пусть говорят! В конце концов, каждый из нас, Людей, знает себе истинную цену гораздо лучше всех вместе взятых друзей и недругов, если они есть. Вилли и в этом смысле человек счастливый – для него не существует чужой молвы. Он спокойно принимает любые слова о себе, потому что знает: главное – не слова, а Внутреннее ощущение своей значимости, Удовлетворение своей занятостью и Настроение – венец всех наших дел. Когда хотите познать истинный смысл чьей-то жизни, постарайтесь отбросить эмоции. Пока Вилли Токарев улыбается, пока энергичен, пока готов работать сутками /если это интересно/, пока люди рвутся на его выступления и концерты, радуются каждой новой кассете или песне, значит ОН ЖИВ! Значит, продолжается его трудное дело – музыка и песни.

Я мог бы еще долго рассказывать вам о моем друге, но думаю, что на страницах этого необычного "альбома" должно быть больше места для фотографий, тех самых остановленных моментов жизни, которые часто бывают не менее красноречивыми, чем слова. Я собрал под одну обложку не только фотографии, которые делал сам, но с благодарностью взял много снимков из архива Вилли, Ирины Ола, а также – некоторые работы советских репортеров. Единственное, о чем я жалею, что в одной книге не вместилась и малая доля всех снимков, какими я располагал при подготовке этой работы.

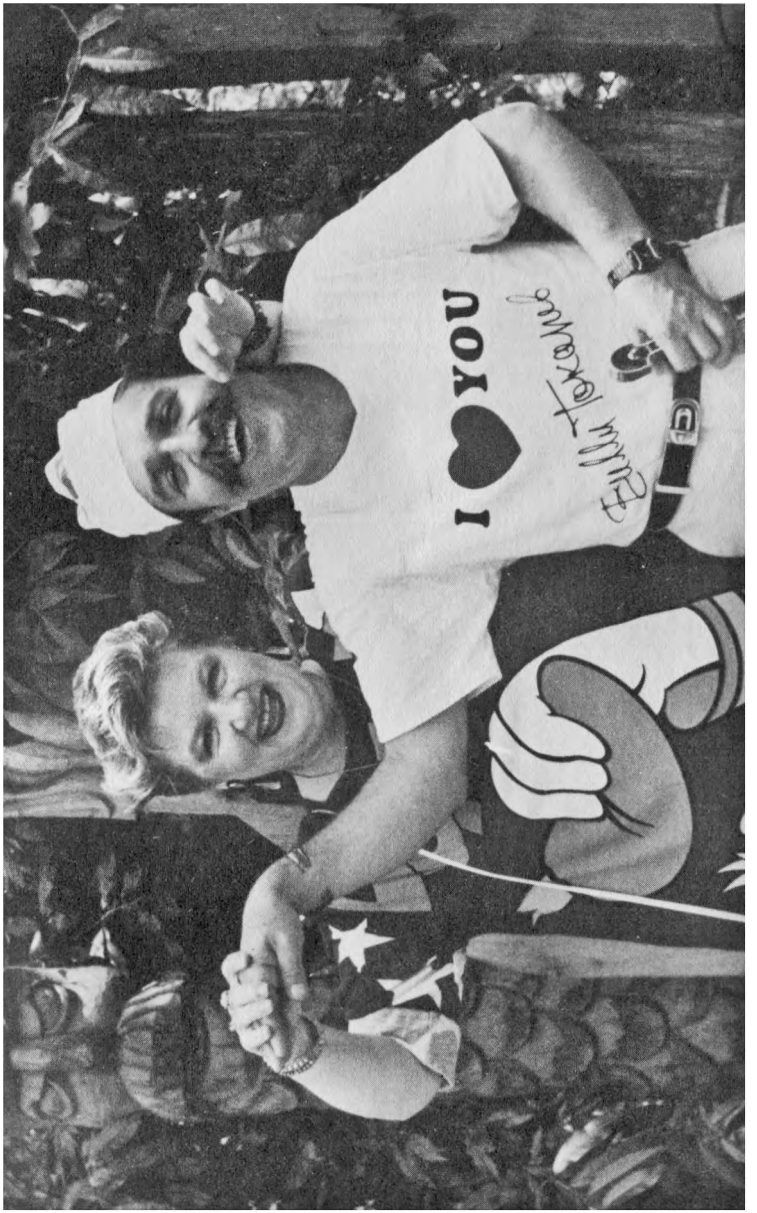
Ирина Ола – многолетняя партнерша Вилли.

Вот что ответил он мне на вопрос о том, кем стала для него Ирина:

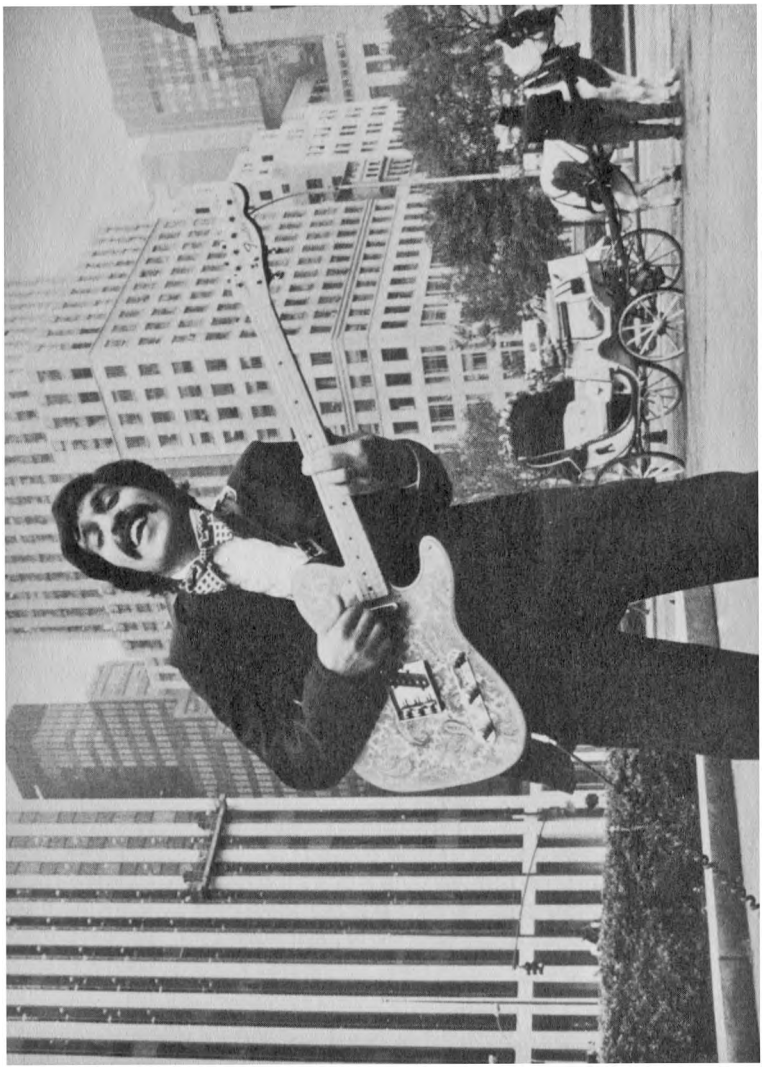
– Лично для меня Ира Ола незаменимый помощник. Она – суперпрофессионал, человек с блестящим вкусом и не менее важной чертой – чувством меры во всем, что нас объединяет... Она всесторонне эрудирована, очень обязательна, а для деловой женщины это потрясающее качество... Она очень общительна, откровенна, аккуратна в работе... Я уверен, что мой успех и в Америке, и в России мы можем смело делить надвое...



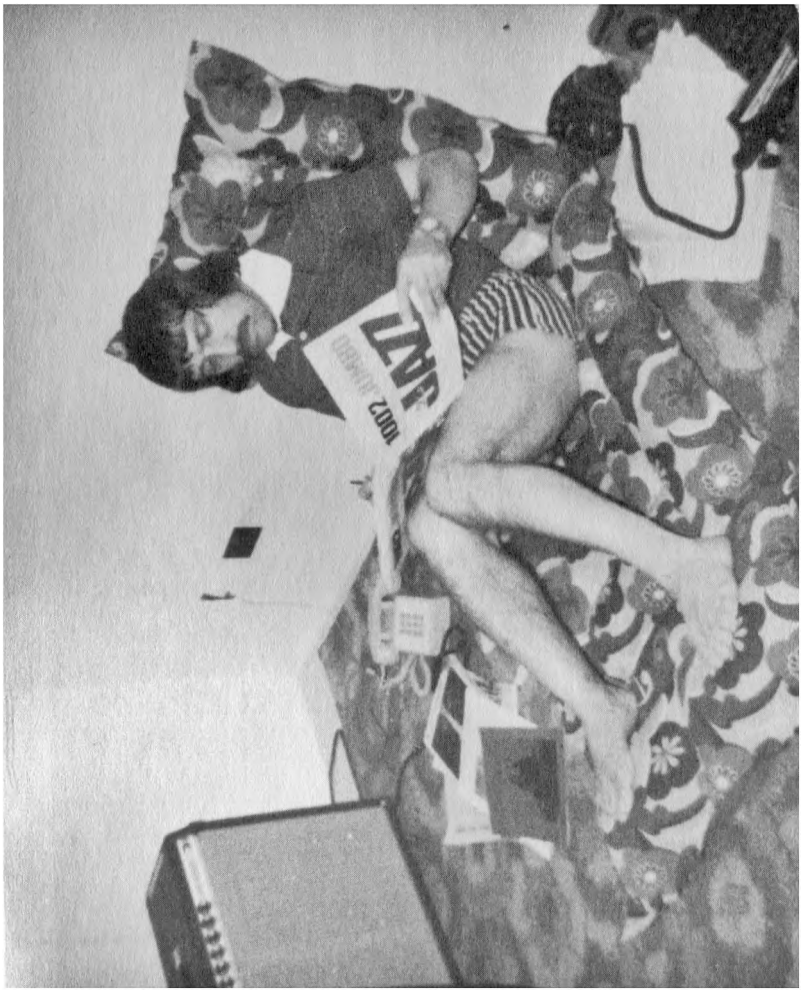
1988 год. Вилли и Ирина Ола
в нью-йоркском ресторане "Санкт-Петербург".



Сочи. 1990 г.



Нью-Йорк. 1975 год. Один из первых американских снимков Вилли, сделанный фотографом Л. Лубяницким



Нью-Йорк. 1979 г.
Завидный жених, Вилли, тогда жил один в пятикомнатной квартире в самом сердце Манхэттена, на 35 этаже с шикарным видом на город и Статую Свободы

ГОЛОС РОДИНЫ

(15)

ИЗ РОССИИ — С ЛЮБОВЬЮ

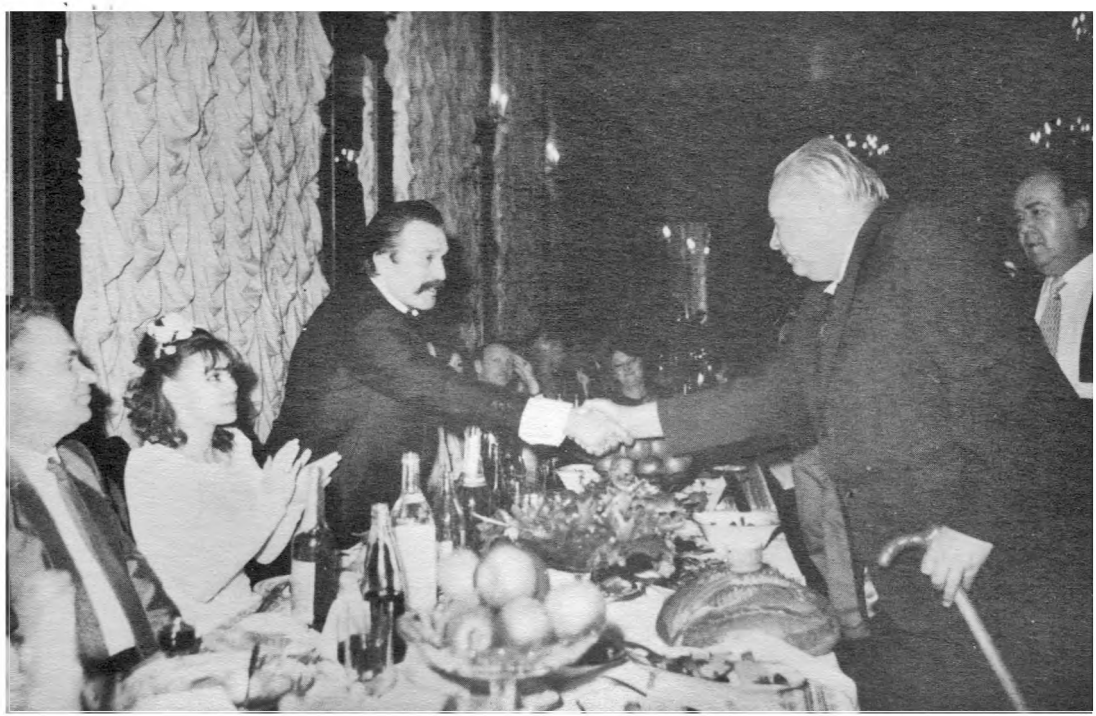
Тысячи людей, побывавших на концертах популярного певца и композитора Вилли Токарева, получили истинное удовольствие от общения с ним, с всегдашним

Ах, эта свадьба!
Москва. 4 февраля 1990 г.

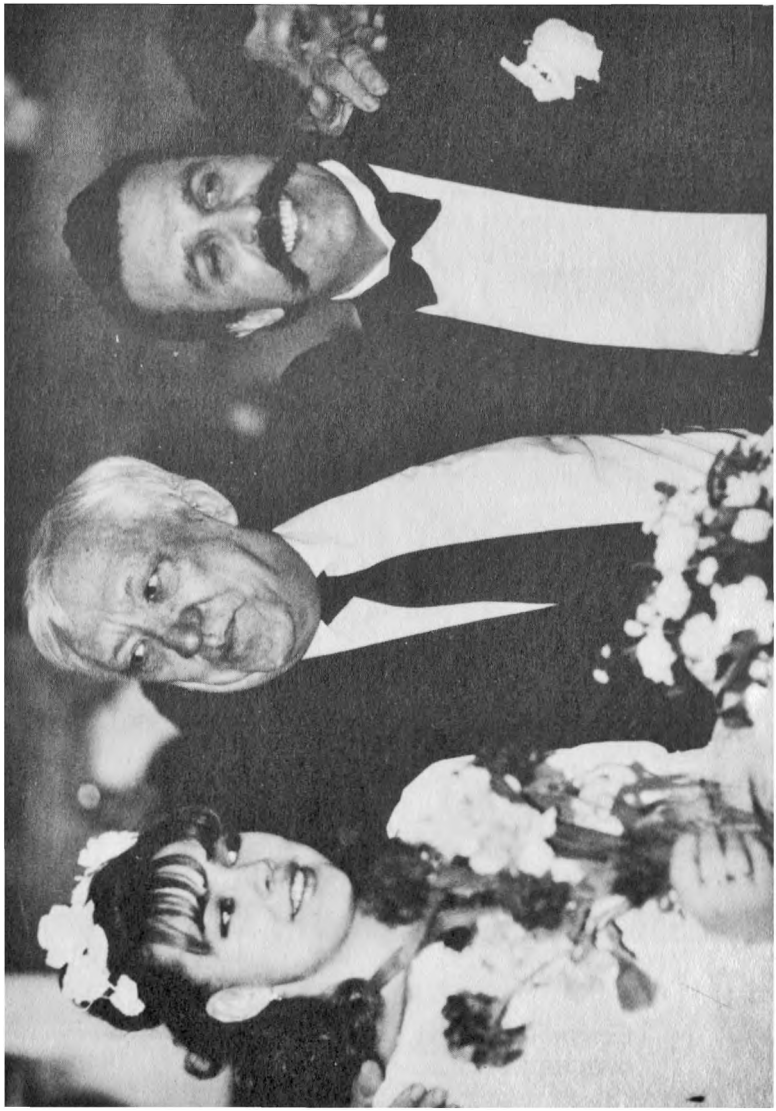
Кольцо – символ Полного Единения.

Розы от четы Горбачевых были вручены на свадьбе личным посланником президента СССР

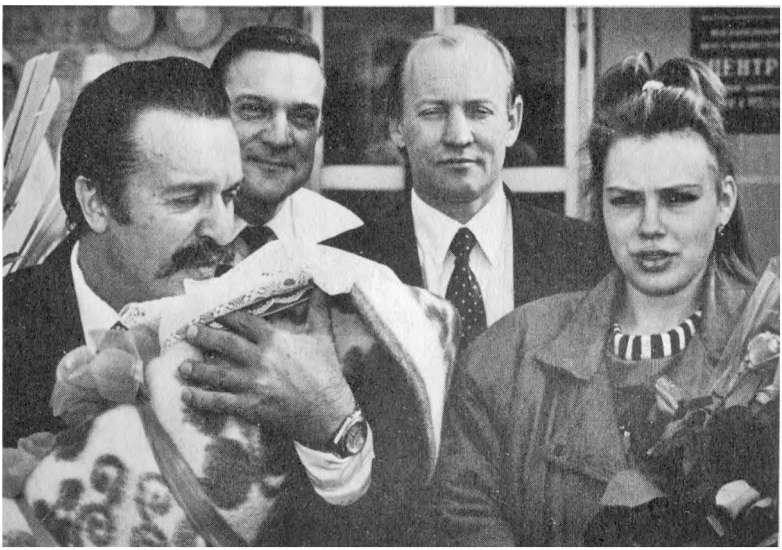
Мама спокойна: сын уже не имеет права на ошибку!



Молодоженов поздравляет Николай Озеров

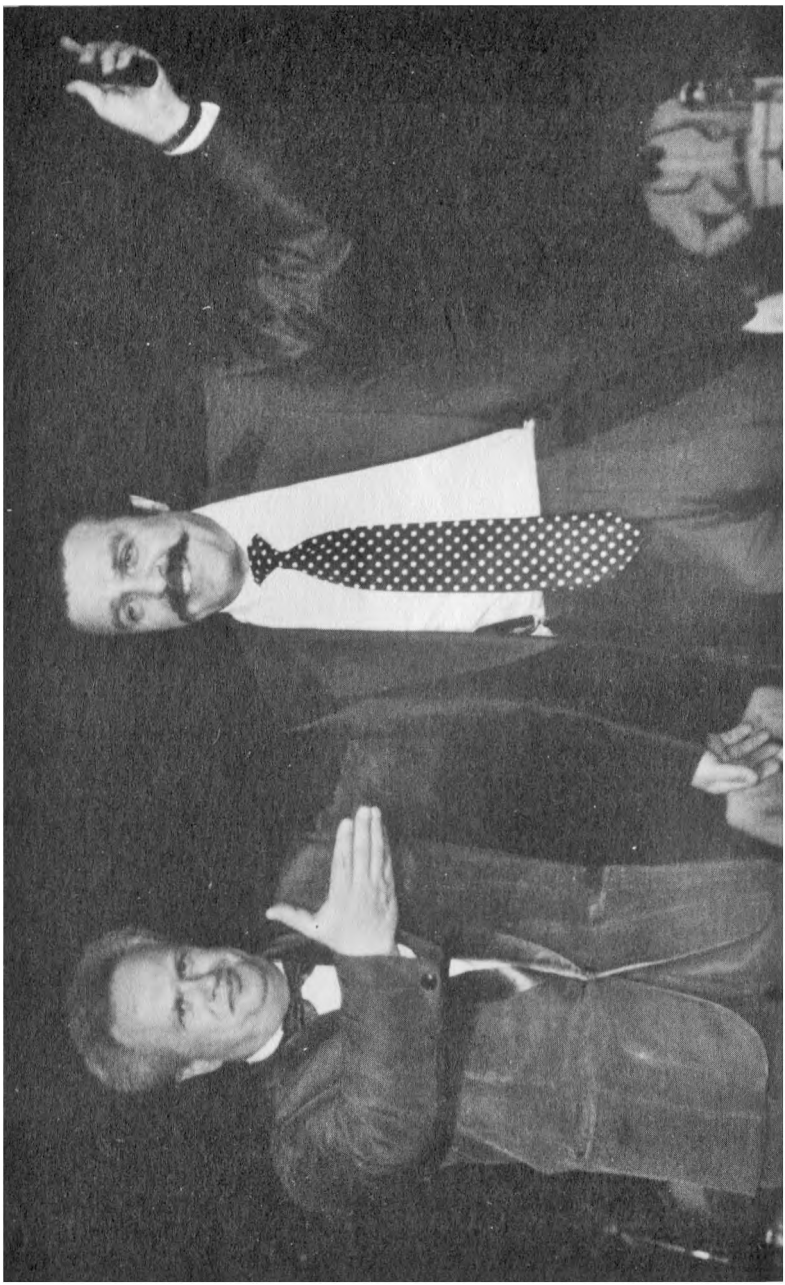


Юрий Никулин редко посещает свадьбы. Но уж если приходит, это хороший знак: его флюиды добра и юмора "вселяются" в молодоженов – а кто без этого может прожить вместе долго и "без потерь"?!

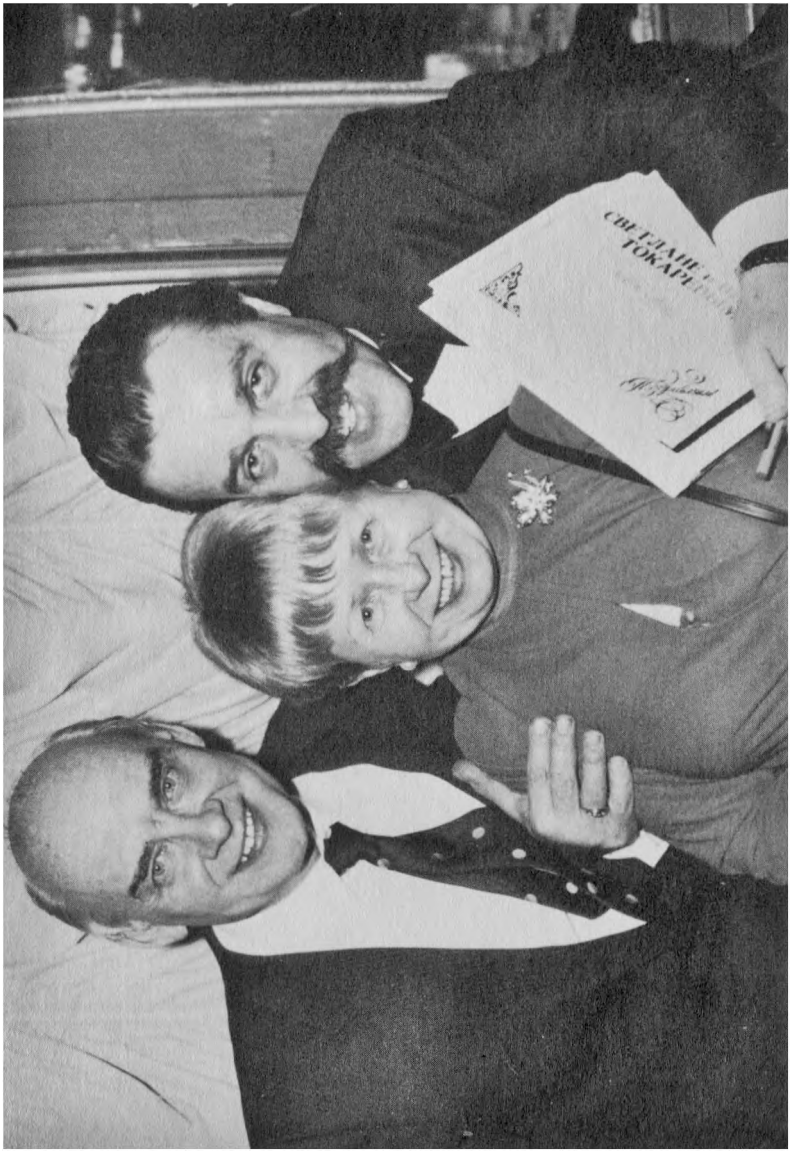


Сентябрь 1990 г. Новорожденный Алекс отправляется домой

С "Кабасиком" дома.
Борьба на ковре. Март 1993 г.

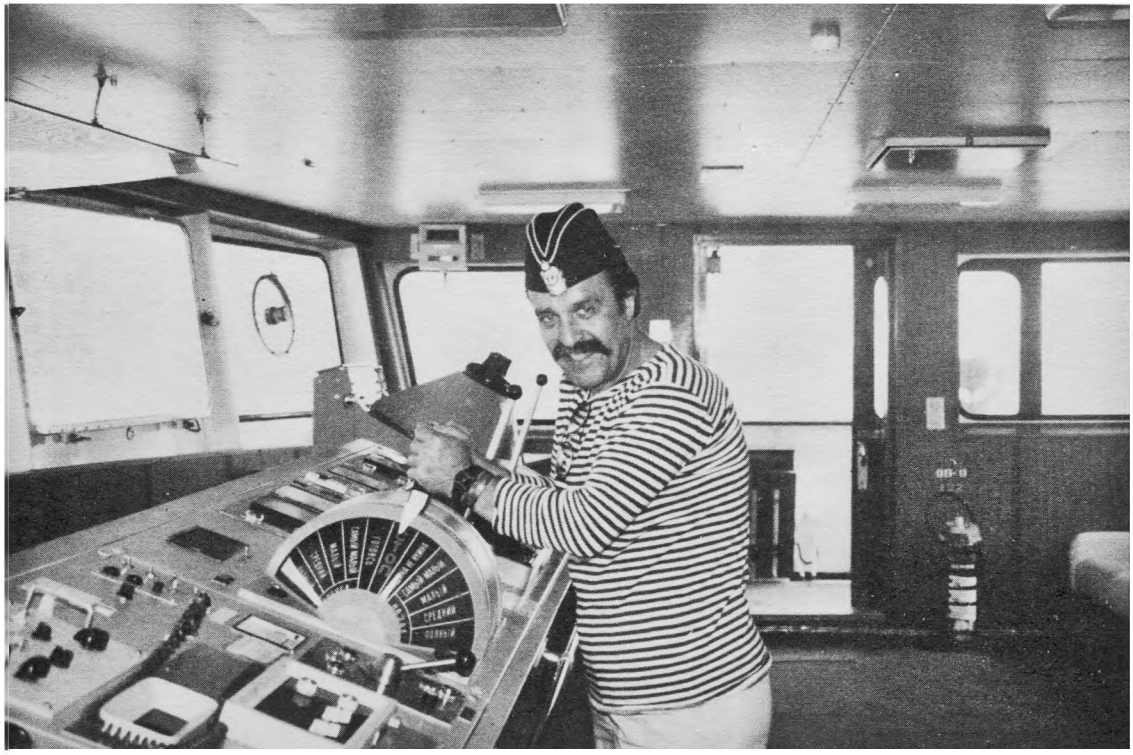


Анатолий Кролл и Вилли на концерте в Ленинграде. 1989 г.

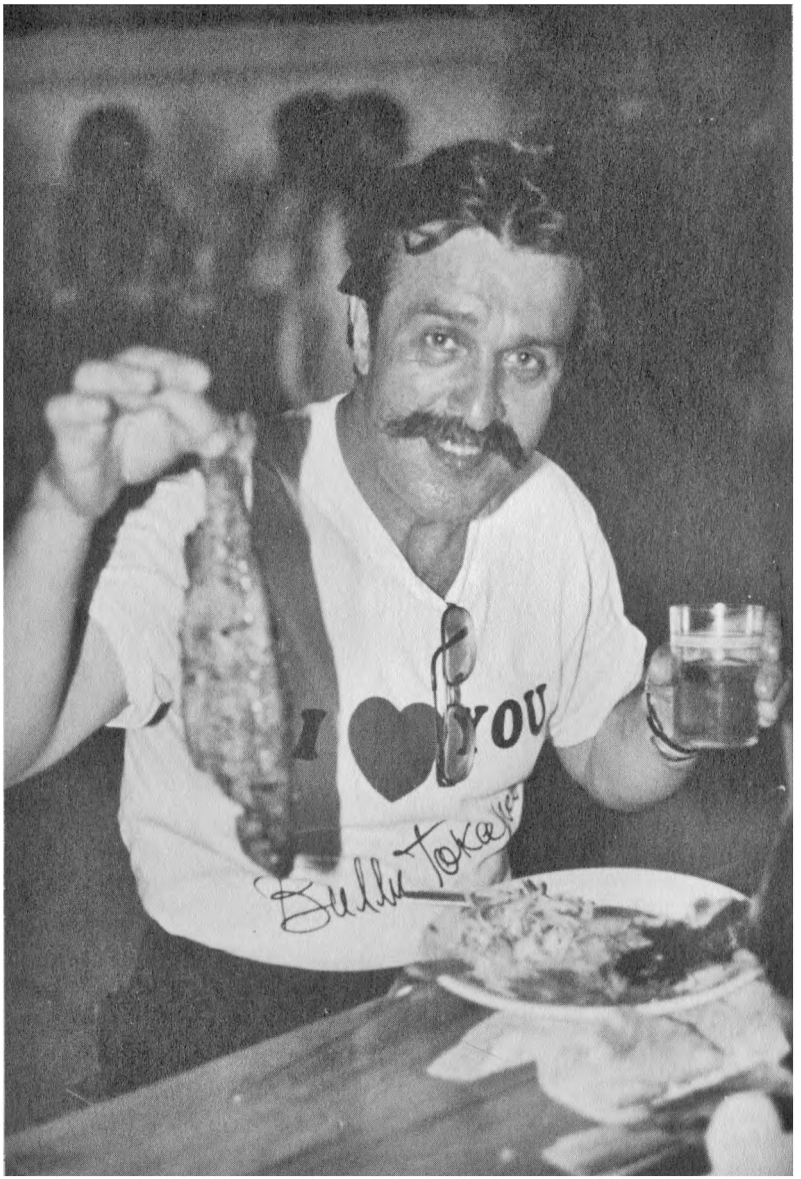


Москва, 1989 г.
Встреча с Александрой Пахмутовой
и Николаем Добронравовым

Токарев – почетный гость конкурса "Мисс СССР". Москва, 1989 г.



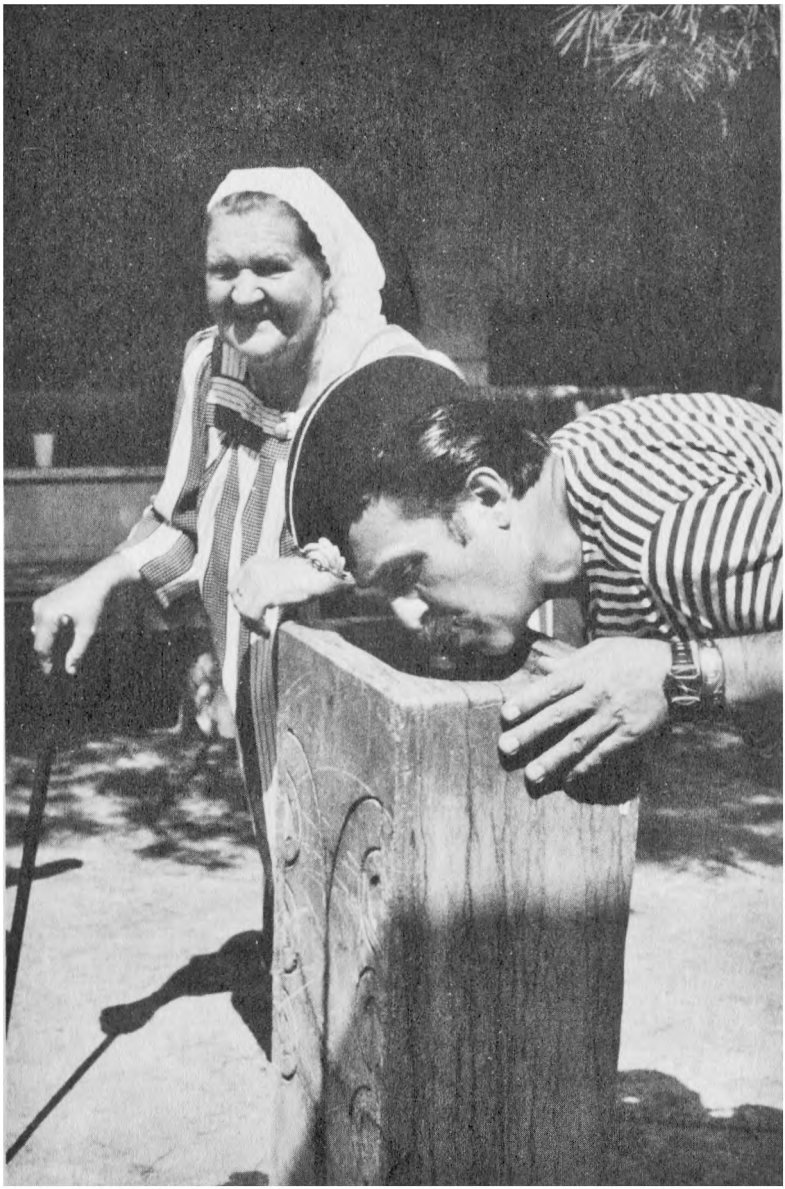
Сочи, 1989 г. Видно, старые навыки никогда не "ржавеют"...



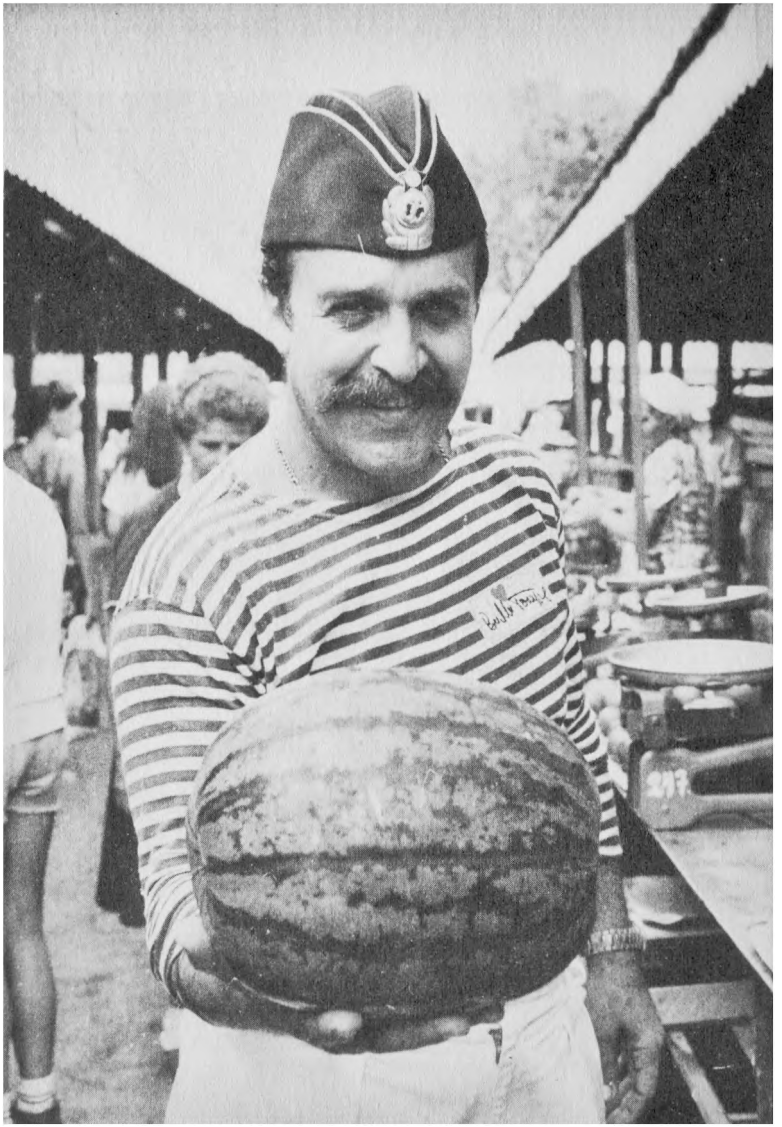
Сочи, 1989 г.

С гроссмейстером Анатолием Карповым. 1989 г.

С Джуной Давиташвили. 1989 г.

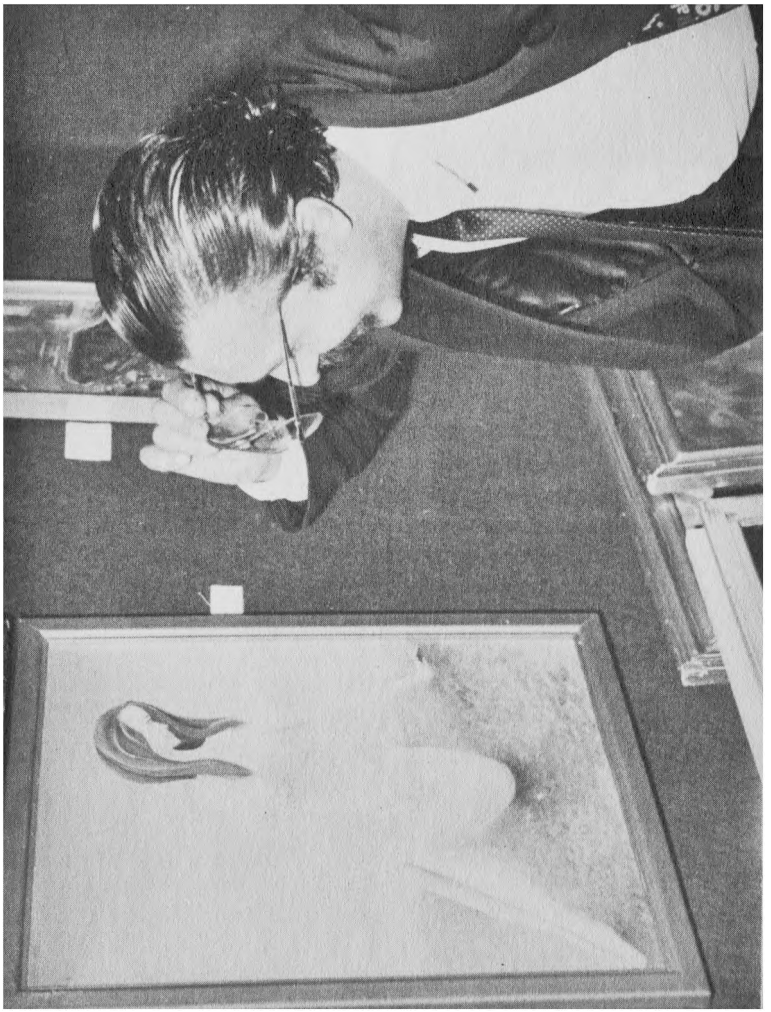


С мамой в Сочи. 1989 г.

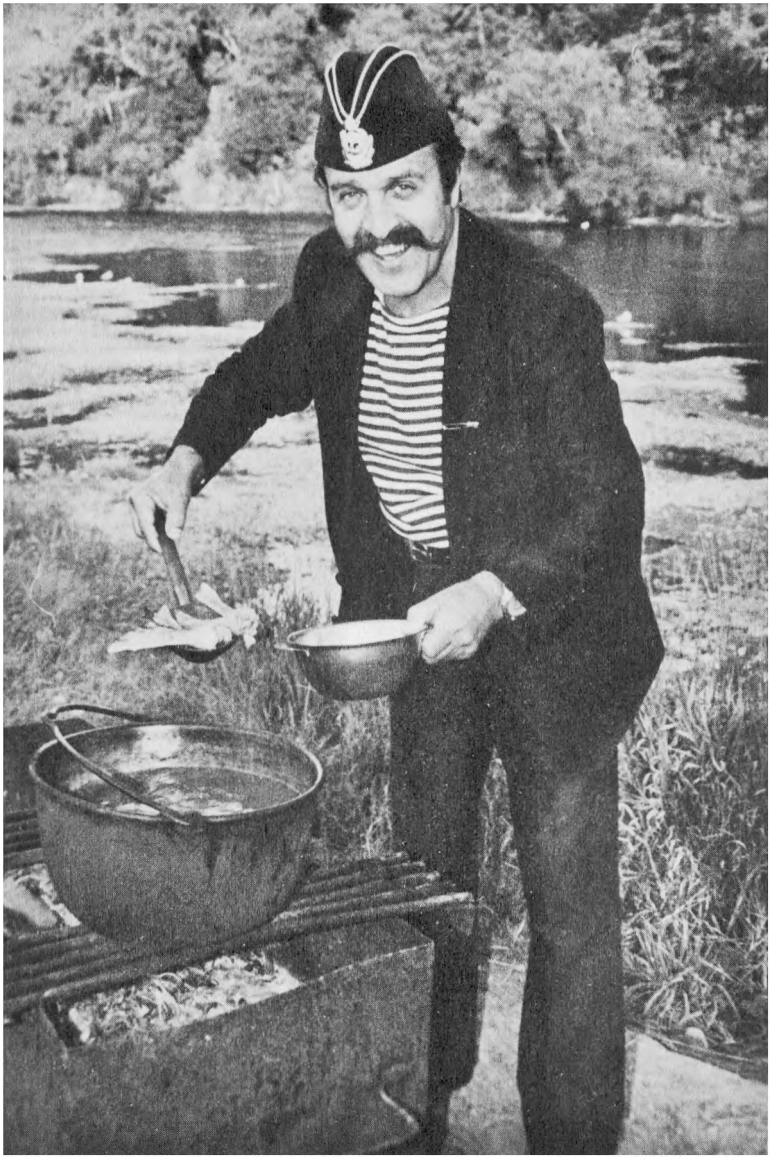


Москва. 1990 г.

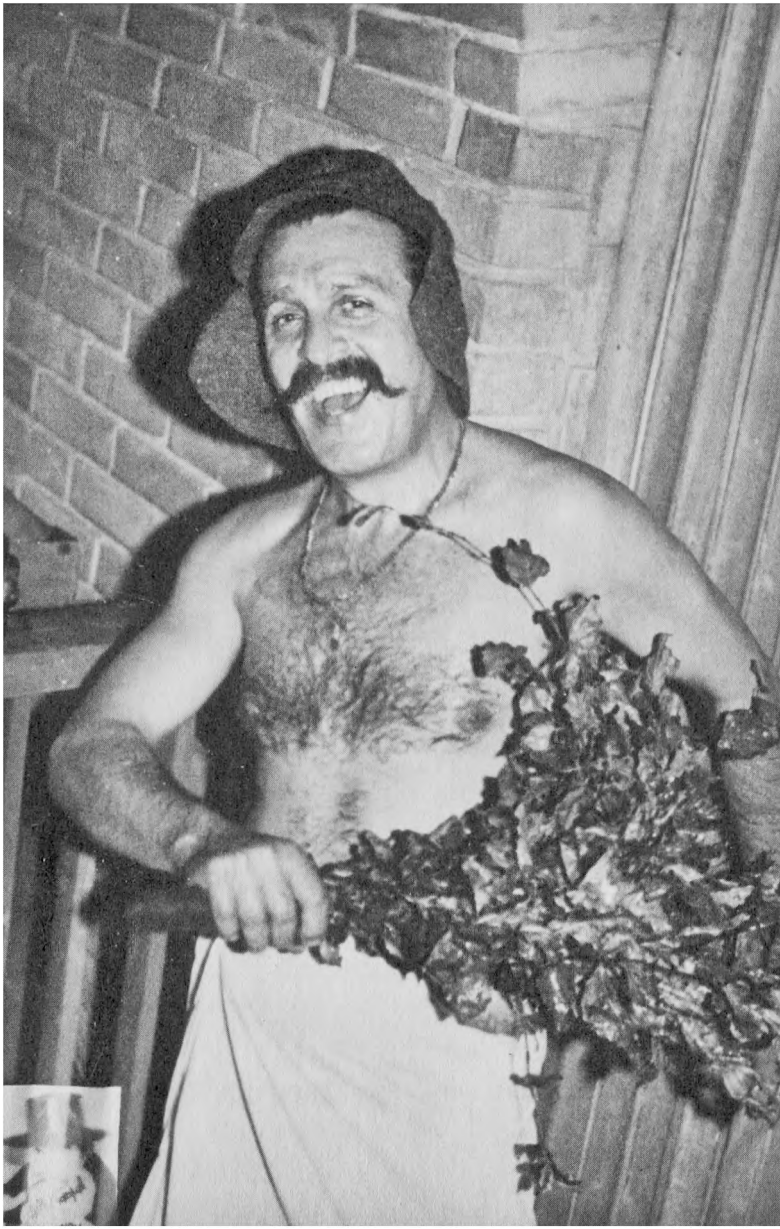
В одном из сибирских Дворцов спорта. 1990 г.



Владивосток.
Вилли на художественной выставке. 1990 г.



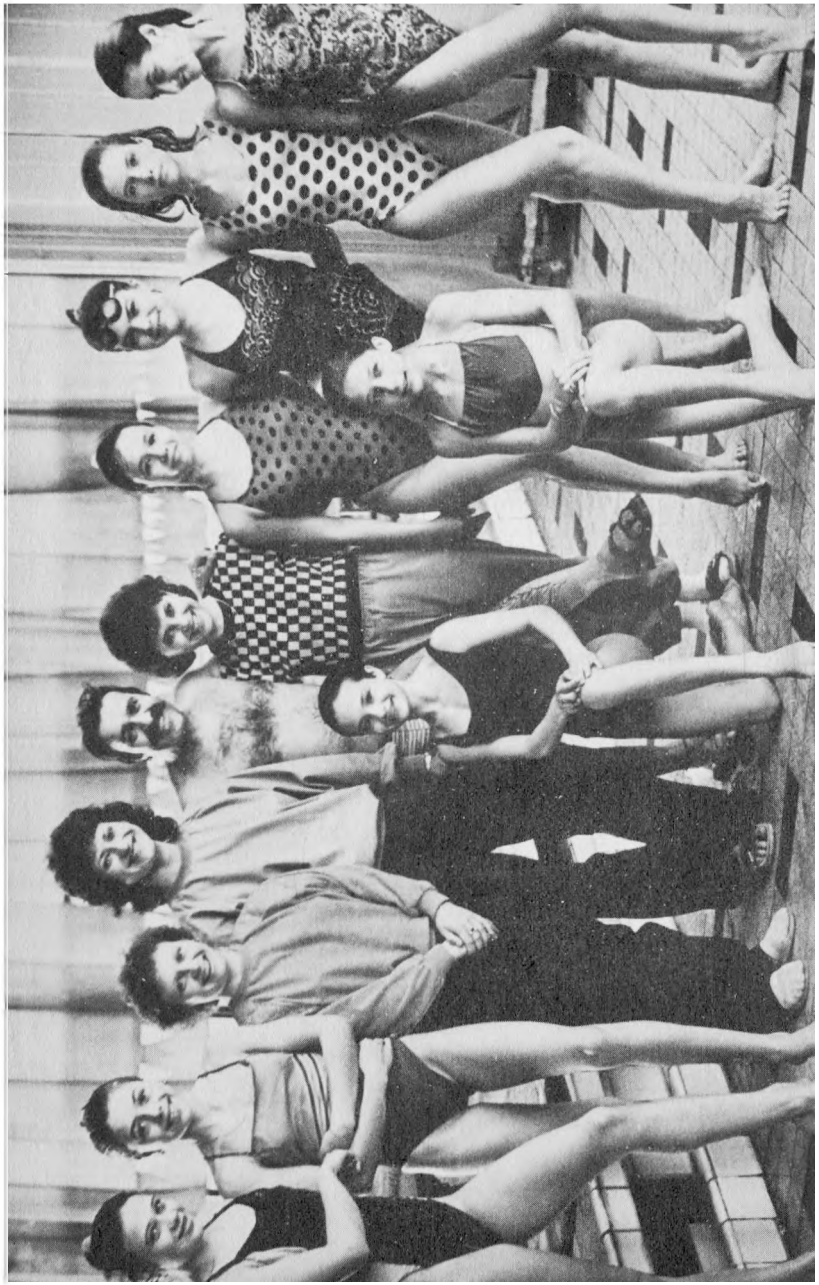
"Эх, хвост, чешуя!.."
Камчатка, 1990 г.



Парилка в Комсомольске-на-Амуре. 1990 г.

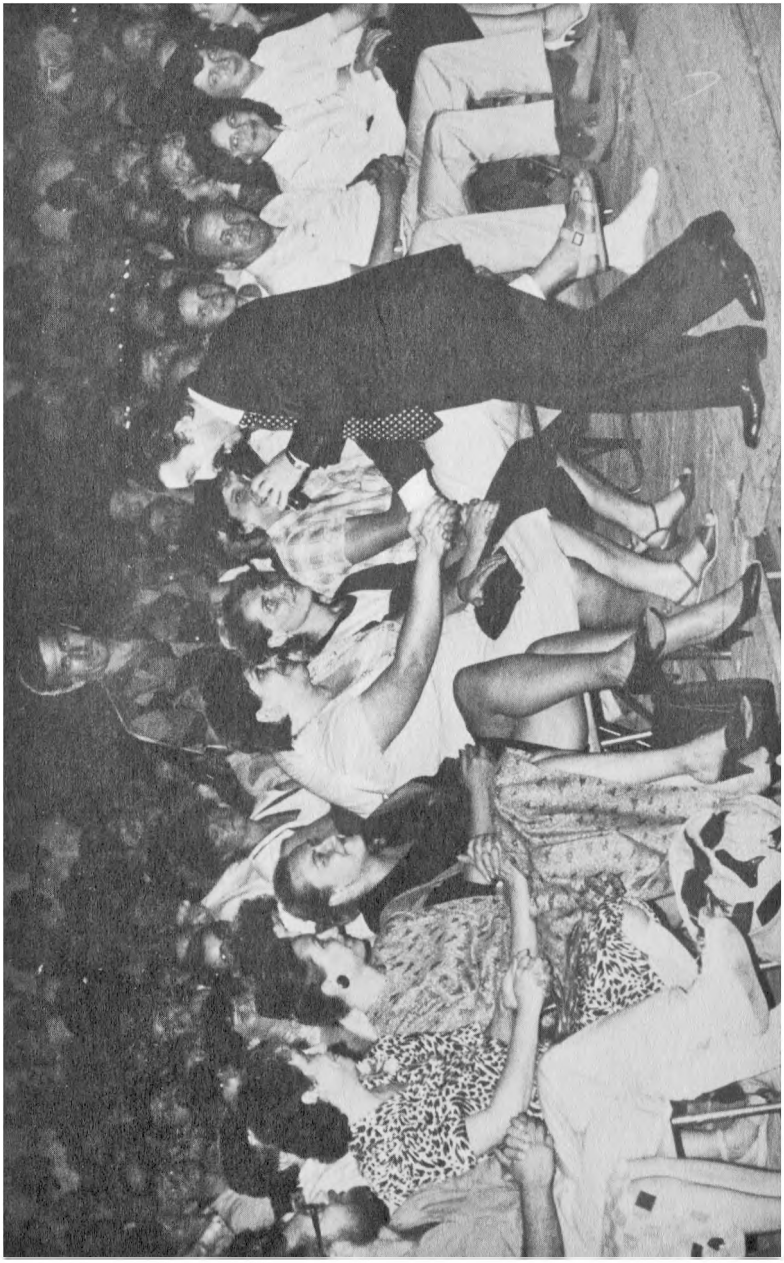
Радоновые ванны на Камчатке. 1990 г.

Рыбалка на Днепре. Киев. 1990 г.

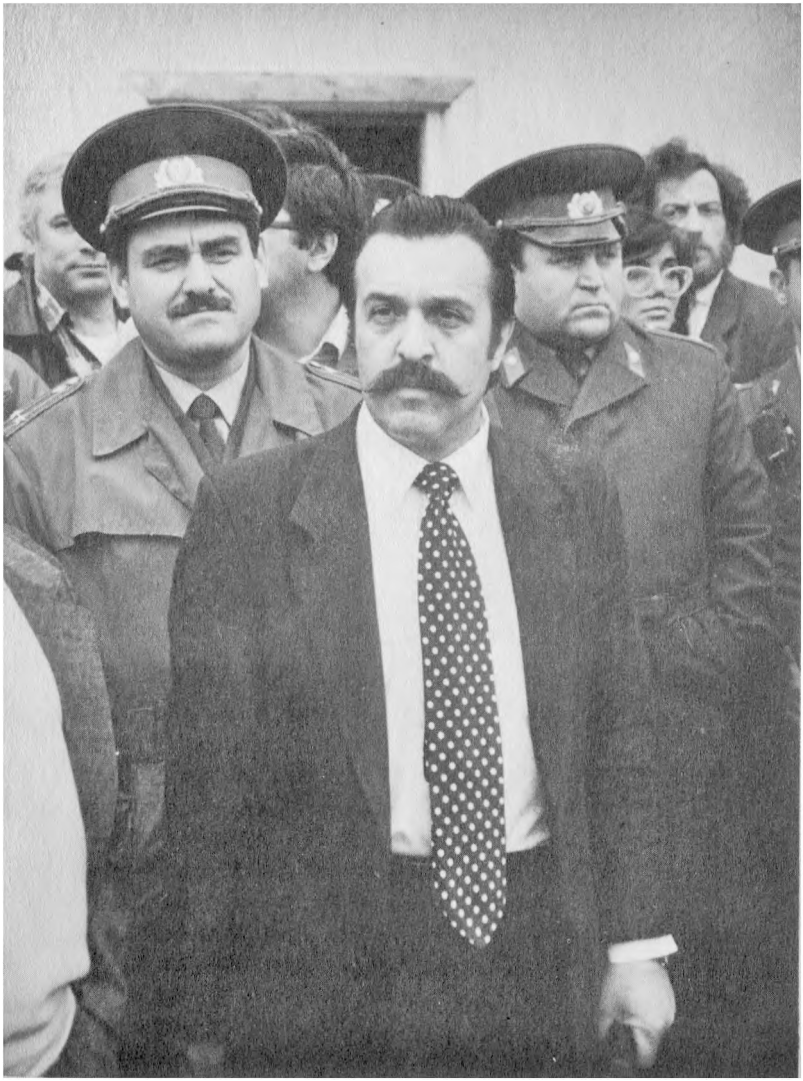


Харьков. 1990 г.
Вилли и сейчас мог бы посоревноваться с этими юными пловцами!

А. Кролл и В. Токарев с очаровательными камчадалками. 1990 г.



Украина, 1990 г.
"От таких зрителей, – говорит Вилли, – к артисту всегда приходят неописуемое тепло, колоссальная энергия"...



Надежная охрана на одном из приволжских стадионов. 1990 г.

Москва, 1991 г.

Известный исполнитель собственных песен, любимец московских таксистов, водителей автобусов и грузовиков, русский эмигрант Вилли Токарев впервые за последние 14 лет приехал в Советский Союз с концертами. Известность Вилли Токареву на родине обеспечили магнитофонные записи, которые с начала 80-х начали быстро расходиться по стране. В каком-то момент казалось, что хрипловатый голос Вилли, напоминающий чем-то Высоцкого, но стилизованный под озорную и бесшабашную «одессу-маму», раздается из каждого окна, из каждой легковой машины, автобуса или такси. Кстати, магнитофон в такси до сих пор по-прежнему, принятым в таксопарках, иметь запрещается. Хотя кто из нас, сидя в такси, не слушал на салоне машины «Новосхребы-новосхребы, а я маленький такой» Вилли Токарева или «Был человеком так, а здесь я стал таксистом, свое здоровье на асфальте продаю...»

Мы поинтересовались, как здоровье Вилли Токарева. «Отлично! — ответил его импресарио Леонард Лев. — Судите сами, раз Вилли собирается жениться, значит с ним все в порядке». Да, чего только не было с Токаревым за эти годы. Он сменил несколько профессий, живя в Нью-Йорке, работал таксистом. Специально для читателей нашей газеты мы узнали у Вилли Токарева, что, работая в день по 16 — 18 часов, он зарабатывал за сутки 250 долларов. Мало это или много, нам здесь трудно судить, но то, что русских таксистов в Нью-Йорке немало, — факт известный всем. Многие эмигранты вынуждены садиться за баранку, чтобы для начала хоть как-то «вчахаться в американскую жизнь. Вилли Токарев приехал в СССР лет назад и выезжать, похоже, не собирается, но те, кто любит его, меньше любить от этого, конечно, не станут.

ВИЛЛИ ТОКАРЕВ: Я ТОЛЬКО ТЕЛОМ ЭМИГРАНТ, А НЕ ДУШОЮ...

— Вилли, откуда вы родом? — спрашиваю Токарева.
— Я из Краснодарского
под живет там, в Советск
Токарев.
— Не тот ли это Анто
его песенки по ЦТ в по
— Да, это он.
— Не думаете ли вы
и сын?
— А что, это хорош
— Только вряд ли вы
— Скажите, как вы
— А как я могу к
Это — классика. Ма
Пеко, как получило
звание Заслуженного
— Кто ваш люби

— Вы слышали песню Дмитриева «Ответ Вилли Токареву»? Собираетесь ли ответить на нее песней?
— А зачем? — Вилли Токарев улыбается и трогает усы. — Это получается «Ответ на ответ Вилли Токарев Анатолия Дмитриева». Кому нужно, вся эта уличная околомузыкальная перепалка. А потом — постоянно отвечать. Вилли Токарев объяснять. А когда я буду петь «

ПОПУЛЯРНОЕ ИМЯ

«От берега до берега добраться нелегко...»

Благодаря так называемой «кассетной» музыкальной культуре многие в нашей стране знают песни Вилли Токарева. Звучат они и по радиоголосам. Это реальность, от которой не отмахнешься. Вопросы об исполнителе непрерывно поступают в письмах читателей. У нас он [illegible] на Западе же о нем говорят много. [illegible] он на самом деле?

КОРР. К...

СПАСИБО, ВИЛЛИ!

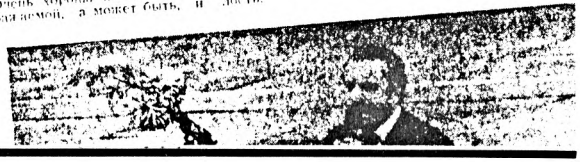
...А вообще-то, это нужно было видеть и слышать. По беговой дорожке, вдоль трибун, заполненной людьми чаши стадиона буквально носился с микрофоном невысокий усатый брюнет в безукоризненном черном костюме и песнями, рассказывал о своей жизни. Подбегал к зрителям, порою терялся в их рядах, при этом не переставал петь, успевал пожать десятки, а то и [illegible] протянутых рук, а при-

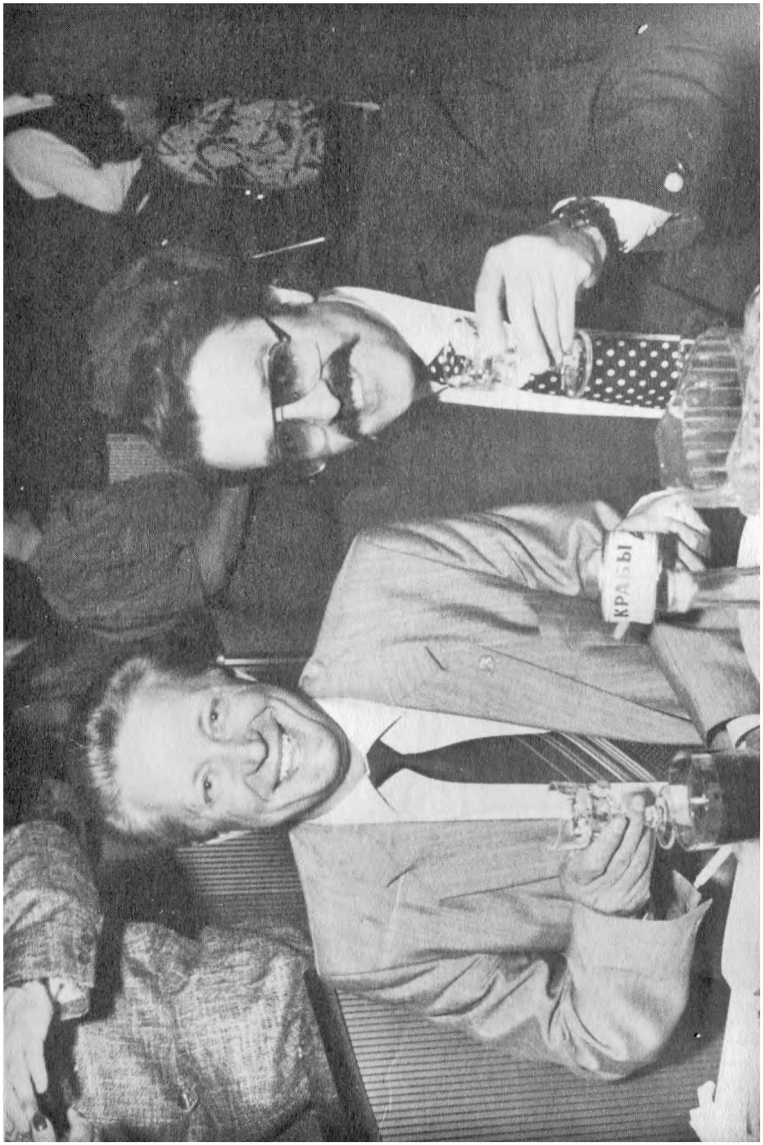
зывающего с родной Одессой, скрашивающего одиночество.

А вот и другая серия. Очень хороша песня о возвращаемой, а может быть, и случае примитивными в том бо не бедными не назовешь.

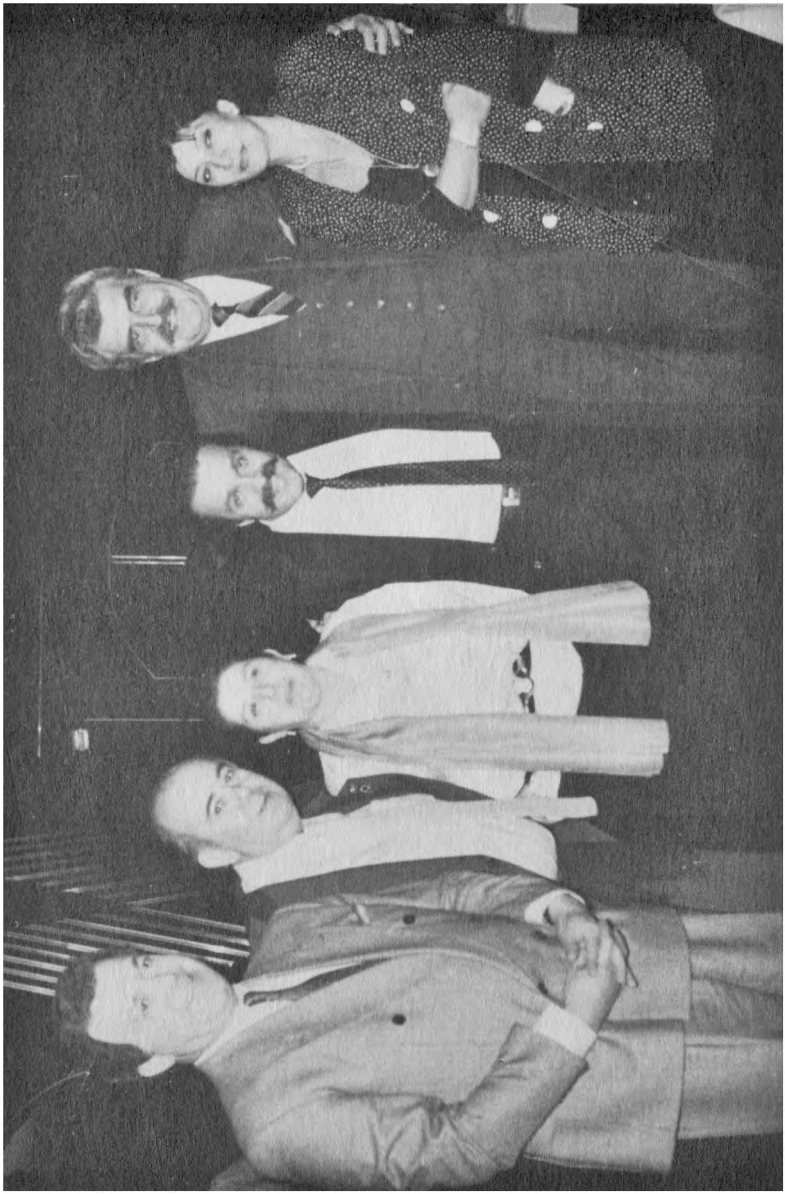
В написанных Вилли Токаревым шлягерах и [illegible] шного мастера шлягера и остроты, и драматизм, и зрелость.

незадавливый ры смен... переклад ся в шахматиста, наш гость «сиах песню: добавл куплетов с наши

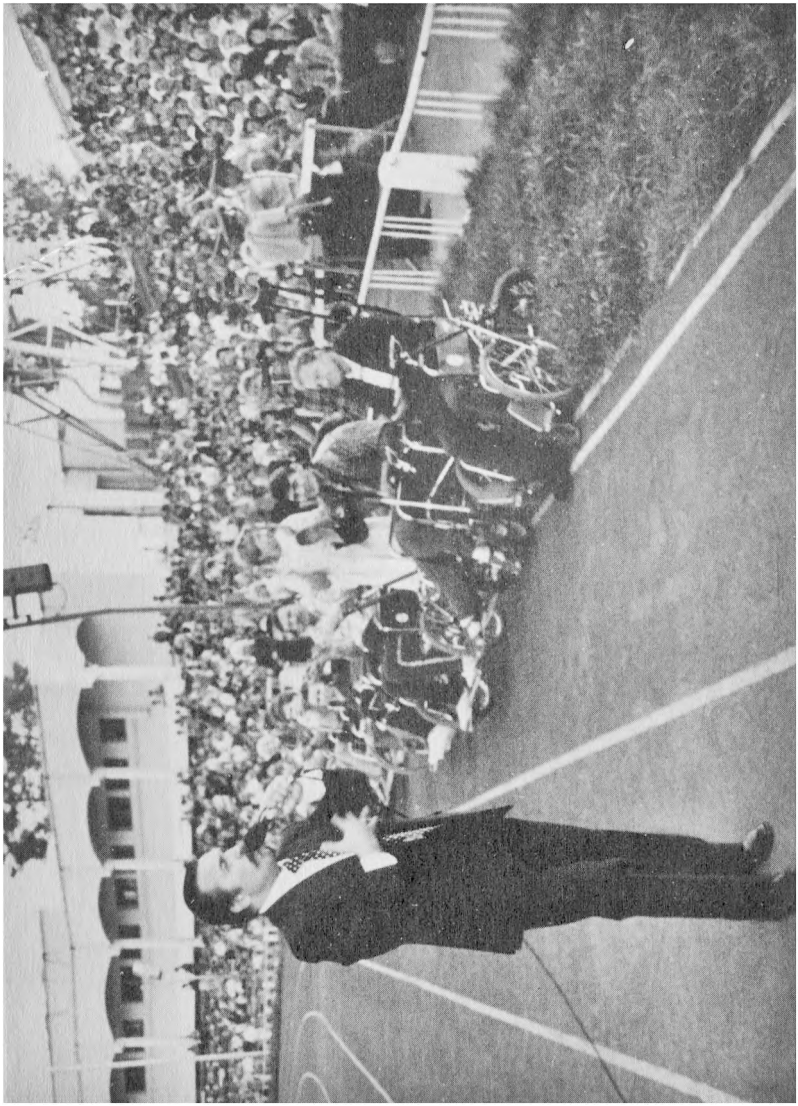




С космонавтом В. Аксеновым. Нью-Йорк, 1987 г.

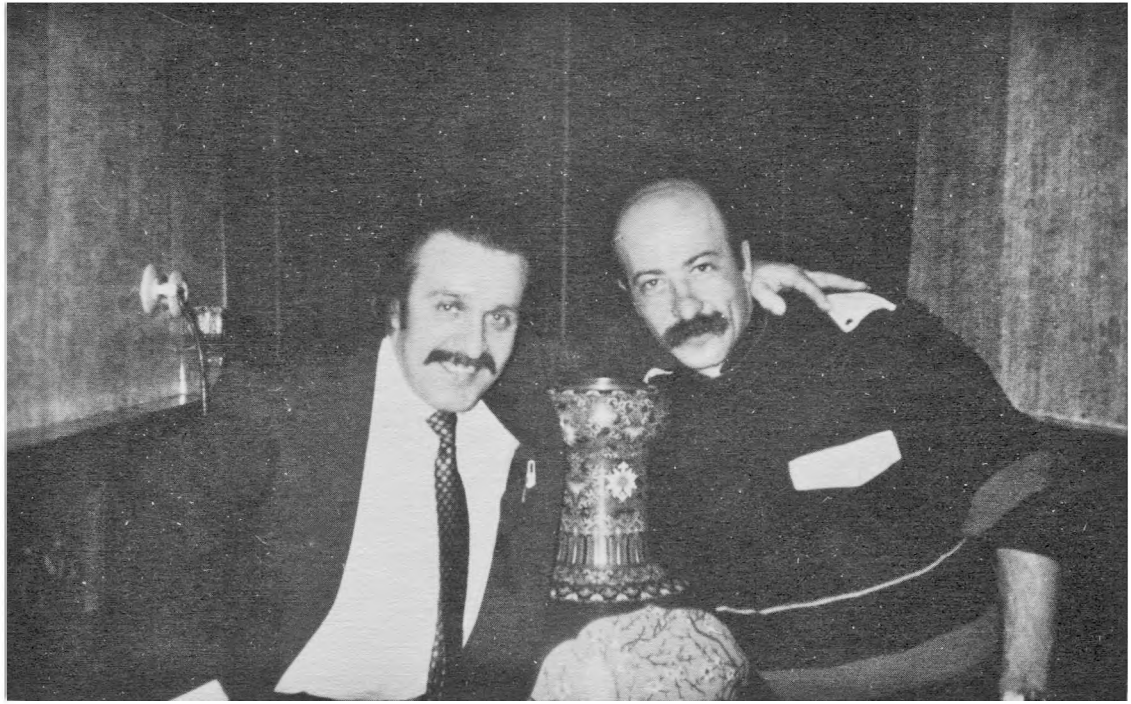


Нью-Йорк, май 1989 г. Встреча с выдающимися мастерами советской эстрады.
Слева направо: Иосиф Кобзон, Борис Брунов, Медея Гоглиашвили, Ян Френкель и Нани Брегвадзе

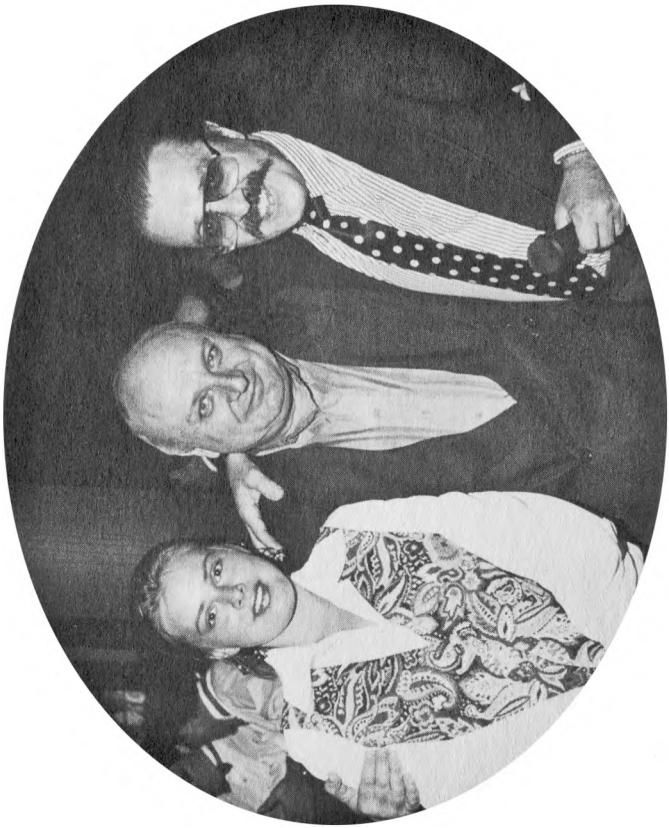


Концерт на стадионе в Волгограде. 1990 г.

С Александром Розенбаумом. 1989 г.



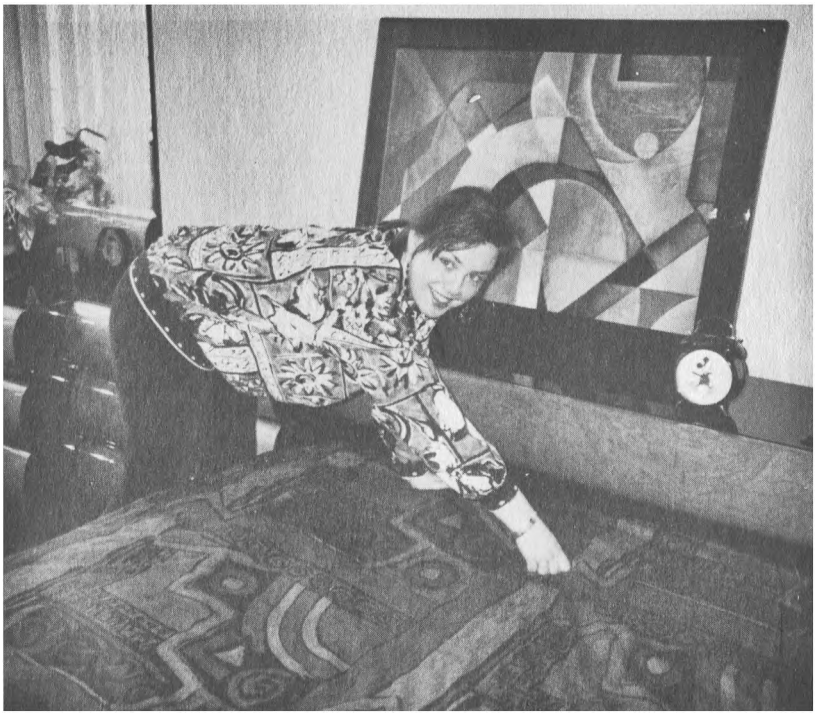
С известной джазовой певицей Вероникой Долиной

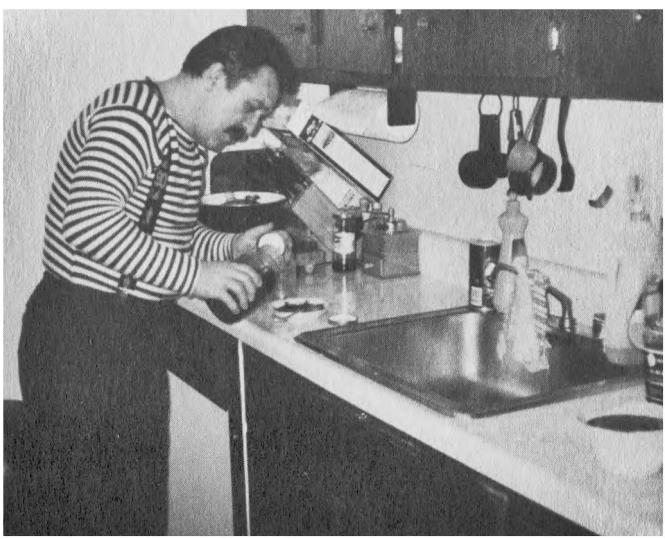


С Михаилом Жванецким. Нью-Йорк, 1992 г.

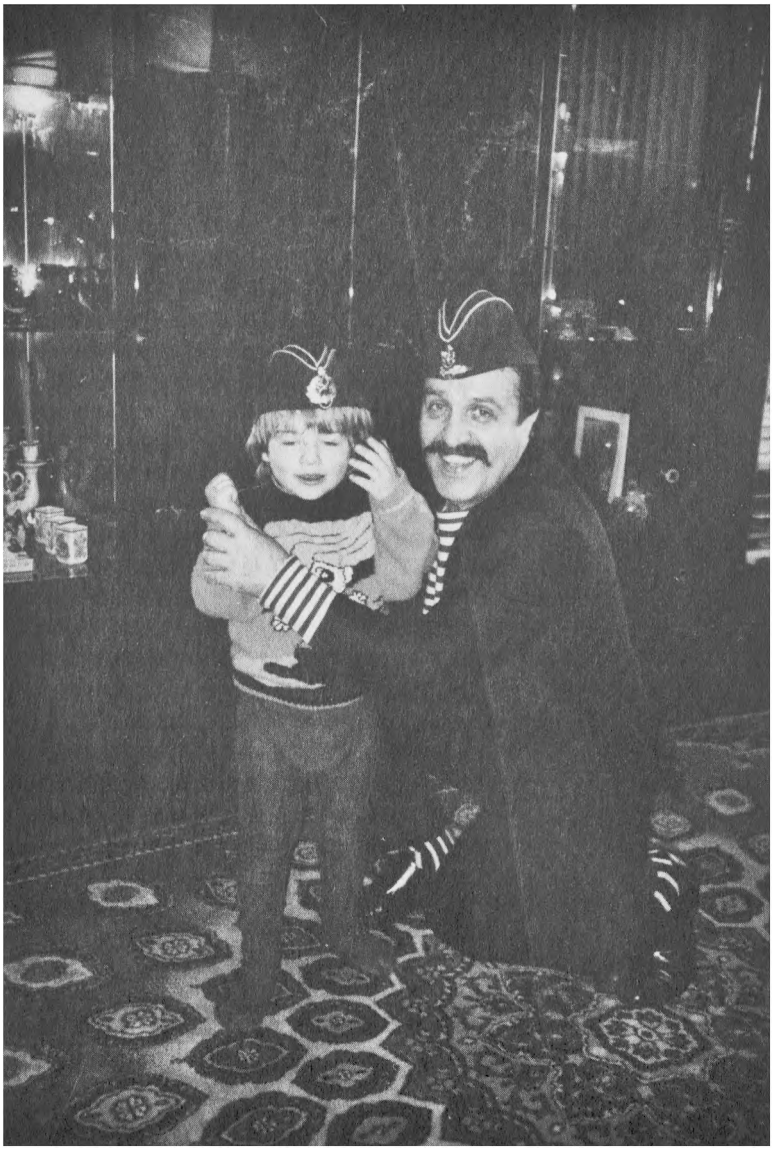
В этом доме на восьмом этаже живут Токаревы

Веселая троица. Март 1993 г.

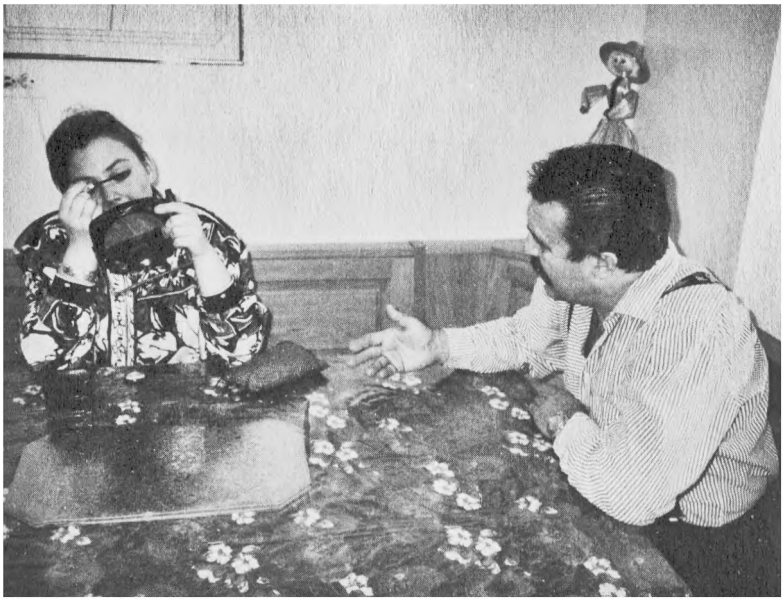




Домашние заботы. Зима 1993 г.



Алекс и Вилли собираются на прогулку



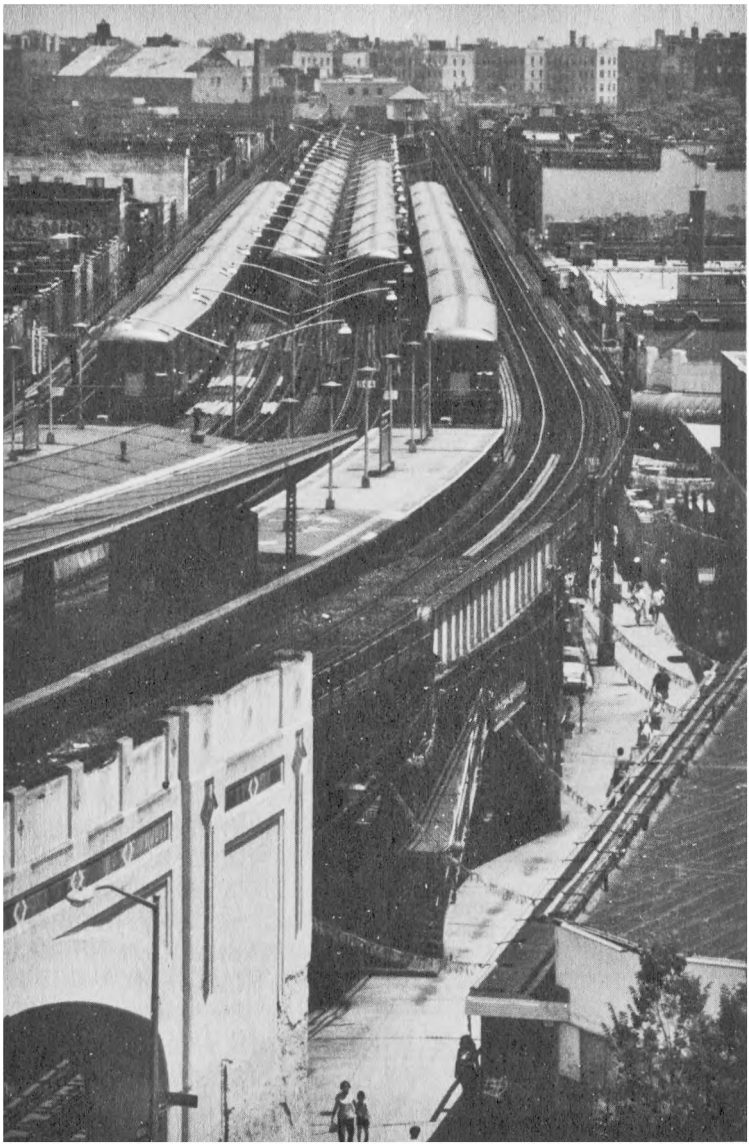
"Ты обещала мне быть готовой полчаса назад"...

В нашем доме всегда покой и порядок

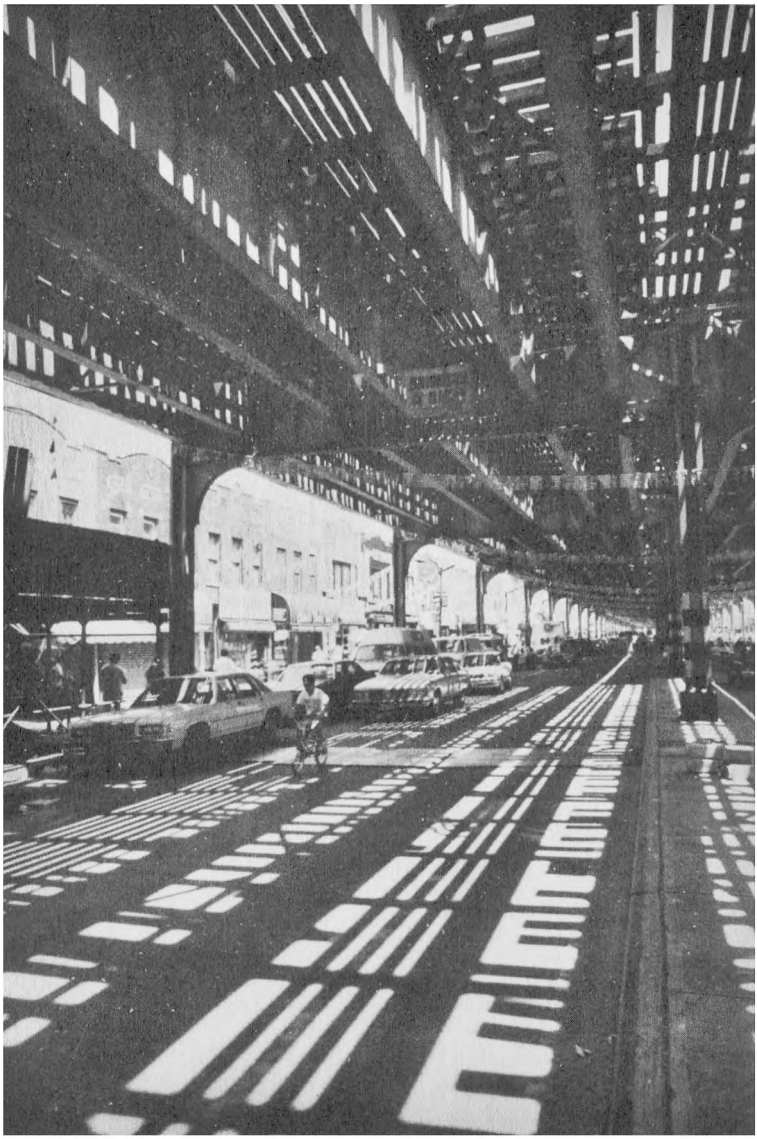
БРАЙТОН БИЧ

Даже те, кто вовсе не знает мировой географии, наверняка знакомы со словом "Брайтон". Те, кто знаком с географией, знают, что легендарный Брайтон находится в южной части не менее легендарного Бруклина, одного из пяти городов, входящих в состав Нью-Йорка. Наша Америка - страна открытая, но и у нее есть свои маленькие тайны. Одна из самых скрытых - число выходцев из России, живущих в этом районе. Одни говорят: тут проживает сто тысяч наших. Другие утверждают, что только пятьдесят. Но дело не в точной цифре, а в том, что почти все эти люди - поклонники таланта Вилли Токарева, ведь вот уже одиннадцать лет Брайтон - место его работы. Он поет не только для них, но и о них. В Киеве, Одессе, Харькове, Москве или Ташкенте о них никто не пел с душой. А Виля поет о них очень душевно, щедро, отмечая все достоинства и пропуская некоторые недостатки... "**Brighton**" (Брайтон) - слово древнее, пришедшее в американский обиход из английского языка. В Англии Брайтон - один из самых красивых южных курортных городов. Район нашего Брайтона тоже был когда-то знаменитым курортом. Сейчас он славится своим прекрасным пляжем и широким "бордвоком" - длинной деревянной набережной, идущей вдоль нашего лучшего атлантического пляжа. Теплыми вечерами (с конца апреля по середину ноября) "бордвок" легко превращается в восхитительный гибрид променада, филармонии и скатерти-самобранки. Параллельно ему, всего в двухстах метрах, проходит знаменитая Брайтон Бич Авеню (**Brighton Beach Ave.**). Название улице дал соседний пляж, ведь слово "Бич" по-русски - "пляж".

Многие другие слова жители этого уголка города тоже стараются произносить по-русски, чтобы не сбивать с толку отдельных коренных американцев, чьи предки при проверке чаще всего оказываются давними выходцами из тех же России, Украины, Белоруссии. Брайтон Бич Авеню уникальна тем, что здесь на одну душу населения приходится 0,5 ресторана, 0,7 магазина и 136 знакомых. У Брайтона крепкое американское тело, быстрые "советские" глаза, точные мозги, юная душа и карибский загар... Здесь уважают свободу выбора и обожают демократичность американской социальной системы. Терпеть не могут только одного - диеты.



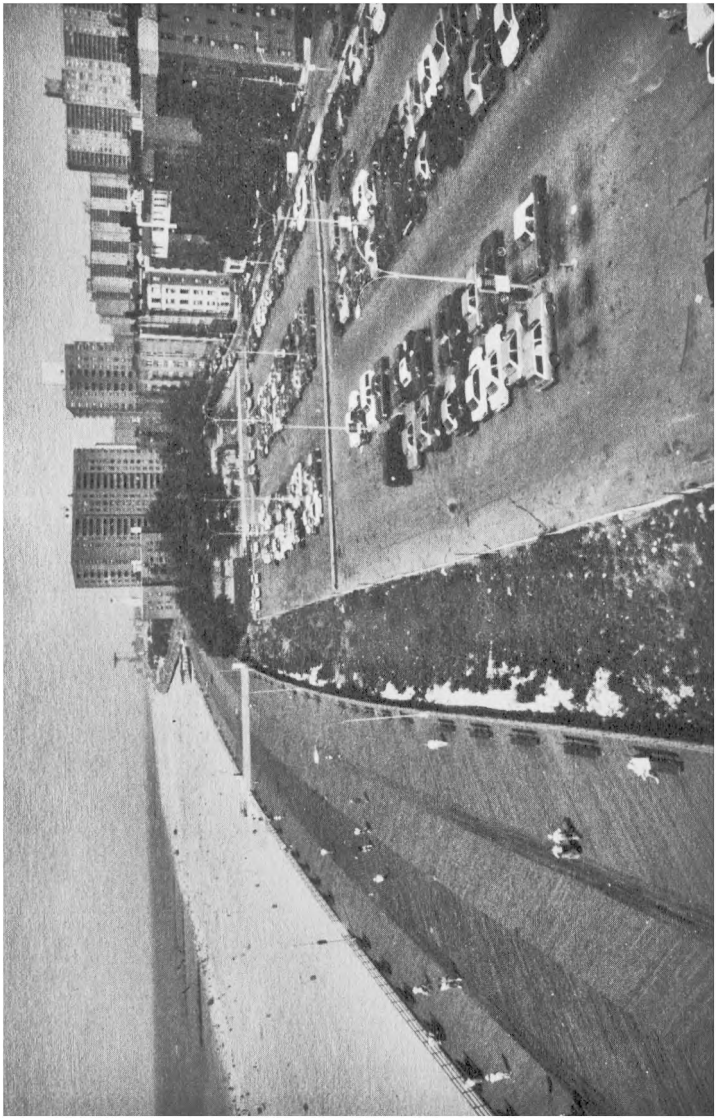
Вот под этой "крышей" и живет Брайтон Бич Авеню. По "крыше" проходят поезда метрополитена



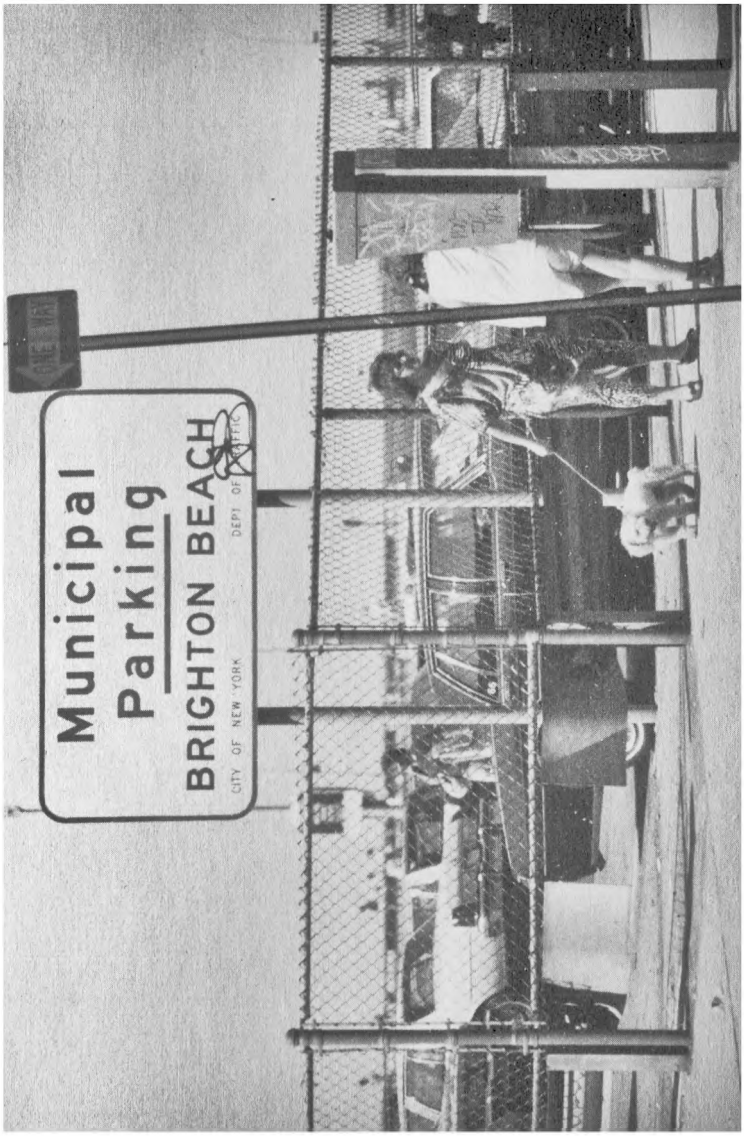
Под "крышей", не обращая на поезда никакого внимания, идет своя жизнь. Нашим южанам эта эстакада нравится хотя бы потому, что дает приятную тень

ВСЕАМЕРИКАНСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИНВАЛИДОВ
и ВЕТЕРАНОВ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ
Tel 648 2455
Alterations
ВЫПОЛНЯЮТСЯ
ВСЕ ВИДЫ
ПОШИВА
ПЕРЕДЕЛКИ
ВСЕЙ ОДЕЖДЫ
ВКЛЮЧАЯ ВЕРХНЮЮ
M&I INTERNATIONAL FOOD
ШАШЛЫКИ
•SHISH-KEBAB
ЦЫПЛЯТА "ТАБАКА"
CHICKEN "TABAKA"
Cafe ARBAT
БОЛЬШОМ
We Print
LETTERS, DECALS
ON SHIRTS

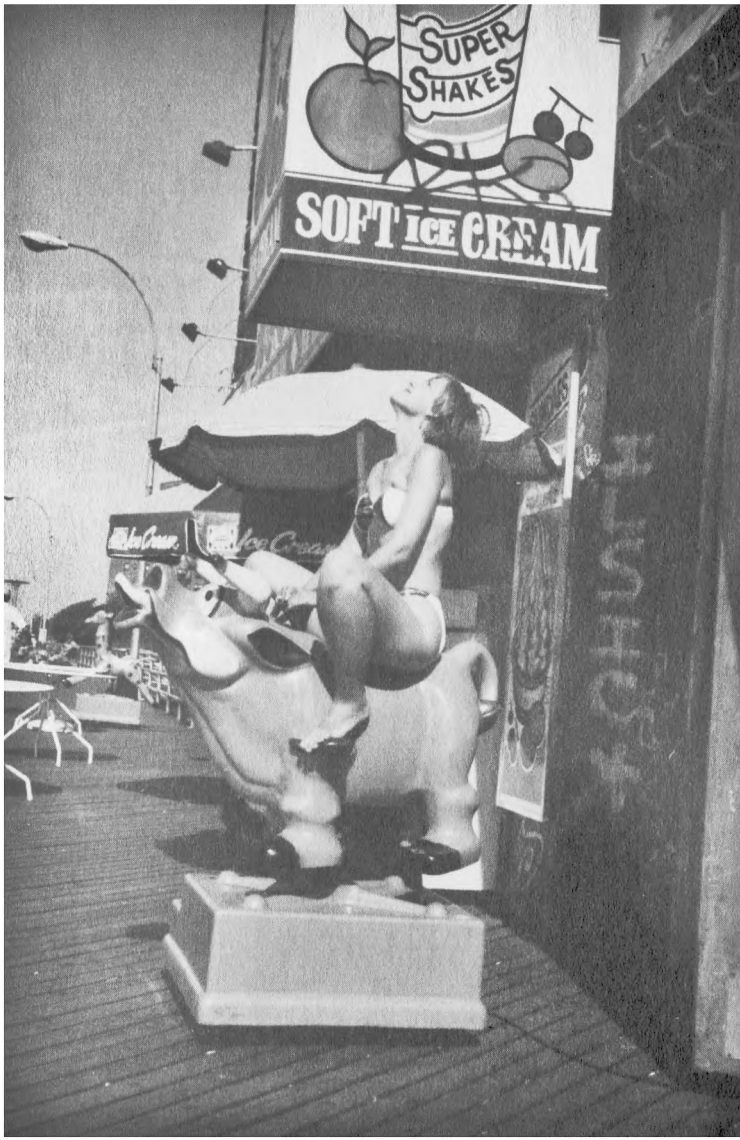
ONE WAY
BRIGHTON BEACH
BRIGHTON 3 ST



Вот он, брайтонский "бордвок". Слева – пляж


Municipal
Parking
BRIGHTON BEACH
CITY OF NEW YORK
DEPT OF PARKS

У моря всегда много места...
Раннее утро. Пляж, как вы видите,
убирают специальные машины



Каждый на "бордвоке" находит себе развлечение по душе и по возрасту

Здесь с Брайтоном и морем встречается самая красивая и широкая улица Бруклина – Оушеан Парквей

ЕСЛИ ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ
В НЬЮ-ЙОРК
ПРОСТО ТАК ИЛИ НАВСЕГДА,
ПОЖАЛУЙСТА, ПОМНИТЕ,
ВЫ ВСЕГДА БУДЕТЕ
ДОРОГИМ ГОСТЕМ
В РЕСТОРАНЕ "ОДЕССА"
НА БРАЙТОНЕ,
ГДЕ ПОЕТ И ИГРАЕТ

ВИЛЛИ

ТОКАРЕВ

В ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМ
СОПРОВОЖДЕНИИ

ИРИНЫ ОЛА

Заказы на любые торжества по тел.:
(718) 332-3223

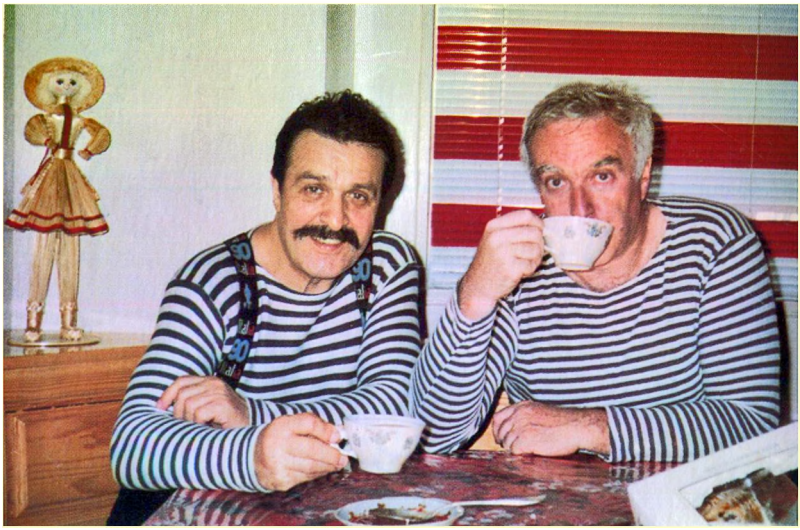
1113 Brighton Beach Ave., Brooklyn
(между 13 и 14 улицами)

Вилли - об авторе книги:

Вот уже больше десяти лет я не перестаю восхищаться тем, как успешно - почти в одиночку! - Альфред Тульчинский издает замечательный журнал "Калейдоскоп" и родившуюся недавно "Сладкую жизнь". Я - один из десятков тысяч его благодарных читателей. Он для меня уникален своей принципиальной порядочностью, ненавязчивой тактичностью. Это человек необычайной эрудиции. Его оружие - блестящее чувство меры и безукоризненный вкус. Лаконичность и увлекательность писательской манеры, конкретность каждой мысли и суперталант во владении русским языком безусловно ставят его в ряд выдающихся журналистов нашего времени.

Вот почему я рад, что автором этой книги-альбома стал именно Альфред, хотя не менее десяти лучших писателей в России и Америке в разное время предлагали создать книгу о моей нелегкой творческой жизни.

Вилли Токарев
14 мая-93



Коротко об авторе:

Альфред ТУЛЬЧИНСКИЙ - профессиональный журналист и публицист, основатель, издатель и главный редактор самого популярного вне России, старейшего в США русскоязычного еженедельного журнала "Калейдоскоп" (выходит с 1983 г.), а также издатель журнала "Сладкая жизнь" (выходит с 1992 г.).

В 1960 г. окончил Харьковский инженерно-строительный институт, а в 1969 г. - редакторский факультет Московского полиграфического института. Начал работать на Харьковской студии телевидения в 1961 году, затем - на самой северной в мире Норильской студии телевидения, на полуострове Таймыр. С 1969 года жил в Москве и работал в различных изданиях.

В Нью-Йорке живет с 1979 года. В 1986 г. был избран "Человеком Года" Нью-Йоркской Ассоциацией UJA и получил международную премию "Humana Valores " (За Человеческие Достижения) от Испанской Ассоциации писателей и журналистов Нью-Йорка - за особые успехи в международной журналистике.

Автор нескольких книг, в том числе самой первой книги об Анатолии Кашпировском "На крыльях тайны".